

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖ. Г. БАЛЛАРД
TERRA INCOGNITA

ЗАТОНУВШИЙ МИР • ВЫЖЖЕННЫЙ МИР •
ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Фантастика: классика и современность

Джеймс Баллард

**Terra Incognita: Затонувший
мир. Выжженный мир.
Хрустальный мир (сборник)**

«АСТ»

1962, 1964, 1966

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Баллард Д. Г.

Terra Incognita: Затонувший мир. Выжженный мир. Хрустальный мир (сборник) / Д. Г. Баллард — «АСТ», 1962, 1964, 1966 — (Фантастика: классика и современность)

Три сценария Апокалипсиса от Дж. Г. Балларда. Картина первая. Экологическая катастрофа приводит к глобальному потеплению. Мир затоплен водой. Первобытные рептилии и гигантские растения, как тысячи лет назад, восходят на сцену Истории. Голос Разума умолкает под напором инстинктов. Или так – моря покрываются пленкой, не пропускающей воду. Дожди прекращаются, и лицо планеты опалает жестокая Засуха. И третий сценарий. Прозрачные колючие кристаллы покрывают поверхность Земли, обещая не то новый ледниковый период, не то невиданную доселе эволюцию жизни.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

© Баллард Д. Г., 1962, 1964, 1966

© АСТ, 1962, 1964, 1966

Содержание

Затонувший мир	6
1. На берегу в отеле «Риц»	6
2. Приход игуан	12
3. К новой психологии	19
4. Солнечные мостовые	28
5. Спуск в глубины времени	40
6. Затопленное судно	43
7. Карнавал аллигаторов	46
8. Человек с невинной улыбкой	50
9. Бассейн смерти	54
10. Прием с сюрпризом	63
11. Баллада о Мисте Костлявом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джеймс Грэм Баллард
Terra Incognita: Затонувший
мир. Выжженный мир.
Хрустальный мир (сборник)

J. G. Ballard
THE DROWNED WORLD
THE DROUGHT WORLD
THE CRYSTAL WORLD

Перевод с английского А. Грузберга («Затонувший мир»),
Г. Соловьевой («Выжженный мир»),
В. Гольдича и В. Лапицкого («Хрустальный мир»)

Печатается с разрешения J.G. Ballard Estate Ltd. и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© J.G. Ballard, 1962, 1965, 1966
© Перевод. А. Грузберг, 2017
© Перевод. В. Соловьева, 2017
© Перевод. В. Гольдич, 2017
© Перевод. В. Лапицкий, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Затонувший мир

1. На берегу в отеле «Риц»

Скоро станет слишком жарко. Глядя с балкона отеля в начале девятого часа утра, Керанс следил за солнечным диском, поднимавшимся сквозь густую рощу хвощей над крышами заброшенного универмага к востоку от лагуны. Даже сквозь толщу оливково-зеленых листьев безжалостная сила солнечных лучей вызвала болезненное ощущение. Отраженные лучи ударили по обнаженной коже груди и плеч, вызывая первый пот; пришлось надеть тяжелые защитные очки. Солнечный диск больше не был очерченной сферой; он превратился в широкий растянутый эллипс, двигавшийся по восточной части горизонта, как огромный огненный мяч, его отражение превратило мертвую свинцовую поверхность лагуны в сверкающее медное поле. К полудню, менее чем через четыре часа, вода будет казаться горячей.

Обычно Керанс вставал в пять и отправлялся сразу на биологическую испытательную станцию, где работал четыре-пять часов, прежде чем жара становилась невыносимой, однако сегодня ему очень не хотелось покидать прохладные, защищенные воздушным занавесом помещения отеля. Он провел несколько часов до завтрака в одиночестве, написав шестистраничное вступление в свой дневник, умышленно откладывая уход, пока полковник Риггс не проедет мимо отеля на своем патрульном катере: тогда будет уже слишком поздно идти на станцию. Полковник всегда готов был поддержать часовую беседу, особенно подогретый несколькими порциями аперитива, и когда он покинет отель, полный мыслями о предстоящем ланче на базе, будет уже не менее одиннадцати тридцати.

Однако сегодня почему-то Риггс задерживался. По-видимому, он предпринял более дальний рейс по соседним лагунам, а может быть, ждал Керанса на испытательной станции. Вначале Керанс подумал, что можно попробовать связаться с Риггсом по радиопередатчику, настроенному на волну отряда, но потом вспомнил, что батареи давно сели, а сам передатчик погребен под грудой книг.

Наклонившись над перилами балкона – стоячая вода десятью этажами ниже отражала его худые угловатые плечи и вытянутый профиль, – Керанс следил за одним из бесчисленных тепловых вихрей, мчавшихся через рощу хвощей, окаймлявшую берег лагуны. Задержанные окружающими зданиями и огражденные от смешивания слоев, «карманы» воздуха внезапно разогревались и устремлялись вверх, на их месте давление резко понижалось. За несколько секунд облака пара, висящие над поверхностью воды, рассеивались, и раздражался миниатюрный торнадо, ломавший 60-футовые деревья, как спички. Затем, также внезапно, порыв прекращался, и огромные колоннообразные стволы падали друг на друга в воду, как вялые аллигаторы.

Керанс говорил себе, что разумнее было бы остаться в отеле: порывы происходили все чаще, по мере того как росла температура; но он знал, что главной причиной его нежелания выходить было признание того, что делать особенно нечего. Биологическое картографирование превратилось в бесцельную игру; на линиях, нанесенных двадцать лет назад, неожиданно обнаруживалась совершенно новая флора; и он был уверен, что никто в Кемп Берд, в Северной Гренландии, не побеспокоится зарегистрировать его доклады, тем более прочитать их.

Действительно, однажды старый доктор Бодкин, помощник Керанса по станции, включил в доклад рассказ одного из сержантов полковника Риггса. Тот был свидетелем появления большого ящера со спинным плавником, напоминавшим парус; этот ящер, плававший в одной из лагун, в точности походил на пеликозавра – ископаемое пресмыкающееся из ранних пенсильванских отложений. Если бы его доклад по достоинству оценили – а он означал возвращение

эры гигантских рептилий, – то тут немедленно появилась бы армия экологов в сопровождении армейских отрядов с тактическим атомным оружием и приказом не допускать распространения ящеров дальше чем на двадцать узлов. Но кроме обычного подтверждения, что доклад получен, ничего не последовало. Возможно, специалисты в Кемп Берд были слишком уставшими даже для того, чтобы рассмеяться.

В конце месяца Риггс и его небольшой сдерживающий отряд завершит обследование города (Керанс спрашивал себя, какой это город: Париж? Лондон?) и отправится на север, буксируя за собой испытательную станцию. Керансу трудно было представить себе, что придется покинуть эти помещения под крышей отеля, где он жил последние шесть месяцев. Репутация «Рица», как признавал Керанс, была вполне заслуженной: ванная комната, например, с ее черными мраморными бассейнами и позолоченными кранами и зеркалами напоминала алтарь большого собора. Керансу нравилось думать, что он был последним постояльцем отеля; он понимал, что заканчивается определенный период его жизни – одиссея по затопленным городам юга скоро закончится с возвращением в Кемп Берд с его жесткой дисциплиной, и это будет прощанием с долгой и блестящей историей отеля.

Он был прикомандирован к отряду Бриггса в день отъезда и принял это назначение с удовольствием: хотелось сменить свой тесный закуток среди лабораторных столов испытательной станции на простор высоких комнат отеля. Ему нравилась роскошная парчовая обивка стен, нравились бронзовые стилизованные статуи в коридорных нишах – он воспринял их как естественное обрамление своего нового образа жизни; он смаковал утонченную атмосферу меланхолии, пронизывавшую эти останки цивилизации, теперь уже фактически исчезнувшей. Слишком много других зданий вокруг лагуны затянуло илом, и теперь только «Риц» стоял в гордом одиночестве на западном берегу, и его величие не портили даже ростки синей плесени на коврах в коридорах, хранивших достоинство XIX столетия.

Помещения были предназначены для известного миланского банкира, богато украшены и великолепно оборудованы. Воздушные занавесы, охранявшие от жары, все еще хорошо функционировали, хотя нижние шесть этажей отеля скрылись под водой, стены начали трескаться, а 250-амперная установка кондиционера работала безостановочно. Хотя помещение пустовало уже десять лет, сравнительно немного пыли собралось на каминах и позолоченных столиках, а три фотографии на покрытом крокодиловой кожей письменном столе – сам банкир, его лоснящаяся, упитанная семья и, наконец, еще более лоснящееся 40-этажное здание конторы – были вполне различимы. К счастью для Керанса, его предшественник покинул отель в спешке, и буфеты и гардеробы были набиты сокровищами: одеждой, украшенными слоновьей костью теннисными ракетками, а в коктейль-баре находились достаточные запасы виски и бренди.

Гигантский комар-анофелес, похожий на летающего дракона, пролетел мимо его лица, опустился и скрылся за выступом здания в том месте, где был причален катамаран Керанса. Солнце все еще не вышло из-за деревьев на восточном берегу лагуны, но утренняя жара уже выгоняла огромных отвратительных насекомых из их убежищ в покрытых мхом стенах отеля. Керанс вынужден был укрыться за проволочной сеткой. В свете раннего утра странная траурная красота нависла над лагуной; мрачные зелено-черные листья хвощей, пришельцев из триасовой эпохи, и полузатонувшие белые каркасы зданий XX столетия все еще отражались вместе в темном зеркале воды – два мира, по-видимому, встретившиеся в какой-то точке времени. Эта иллюзия моментально пропадала, как только гигантский водяной паук разбивал маслянистую поверхность воды в ста футах внизу.

В отдалении, где-то за затонувшим остовом большого строения готического стиля в полумиле к югу, взревел мотор и поднял небольшую волну. Керанс ушел с балкона, закрыл за собой проволочную дверь и пошел в ванную бриться. Водопровод давно не действовал, но Керанс расчистил плавательный бассейн на крыше и провел оттуда трубу через окно.

Хотя Керансу было уже около сорока и борода его побелела от радиоактивного фтора, содержащегося в воде, черные волосы и сплошной загар желтовато-коричневого цвета делали его на десять лет моложе. Хроническое отсутствие аппетита и новые разновидности малярии, иссушившие кожу на скулах, придали его лицу аскетическое выражение. Бреясь, он критически осматривал свое лицо, ощупывая пальцами натянутую кожу, массируя мускулы – черты лица его и мускулатура постепенно менялись, как бы проявляя скрывавшегося в нем другого человека. Несмотря на этот самоанализ, он чувствовал себя более спокойно и уравновешенно, чем раньше, а холодные голубые глаза смотрели на него из зеркала с ироническим отчуждением. Полуосознанное погружение в обычный мир, с его ритуалами и обычаями, прошло. Если он и теперь держался в стороне от Риггса и его людей, это вызывалось скорее стремлением к удобствам, чем человеконенавистничеством.

Выйдя из ванны, он выбрал из груды одежды, оставленной банкиром, кремовую шелковую рубашку и брюки с ярлыком Цюриха. Плотно затворив за собой двойные двери – все помещение представляло собой стеклянный ящик внутри другого ящика, кирпичного, – он спустился по лестнице.

Керанс вышел к площадке, где напротив катамарана был причален катер полковника Риггса – переоборудованная наземная машина. Риггс, аккуратный, щегольски одетый человек, стоял на носу, поставив ногу в сапоге на борт катера, и осматривал берега бухты и свисающие в воду джунгли, как африканский первопроходец древних времен.

– Доброе утро, Роберт, – приветствовал он Керанса, спрыгивая на качающуюся платформу – пятидесятигаллоновый барабан, привязанный к деревянной раме. – Рад видеть вас здесь. Есть работа, в которой вы могли бы мне помочь. Сможете на день отлучиться со станции?

Керанс помог ему перебраться на бетонный балкон – выступавший над водой остаток седьмого этажа отеля.

– Конечно, полковник. Вы знаете, я всегда готов вам помочь.

Фактически испытательная станция была в полном подчинении Риггса, и поэтому Керанс не мог отказаться, но отношения между этими двумя людьми были лишены церемонности и официальности. Они работали вместе уже в течение трех лет, по мере того как испытательная станция и ее военный эскорт медленно двигались на север по европейским лагунам, и Риггс предоставил Керансу и Бодкину возможность заниматься своим делом, не вмешиваясь, слишком занятый нанесением на карту движущихся отмелей и гаваней и эвакуацией последних жителей. В последнем случае он часто нуждался в помощи Керанса, так как большинство людей, еще оставшихся в затонувших городах, были либо психопатами, либо страдали от длительного недоедания и радиации.

В дополнение к своей работе на движущейся испытательной станции Керанс исполнял обязанности врача сдерживающего отряда. Большинство людей, которых они эвакуировали, требовали немедленной медицинской помощи, прежде чем их можно было на вертолетах доставить на один из гигантских танкеров, которые должны были перевезти беженцев в Кемп Берд. Остатки военных отрядов, слонявшиеся в покинутых болотах, умирающие отшельники, не способные самостоятельно расстаться с городами, где проходили последние годы их жизни, потерявшие мужество грабители, первоначально стремившиеся поживиться добычей в покинутых городах, – всем этим людям Риггс помогал спастись, а Керанс всегда готов был поддерживать их обезболивающими или успокаивающими средствами. Керанс считал Риггса, несмотря на его подчеркнута военную внешность и манеры, разумным и приятным человеком, наделенным вдобавок сильным чувством своеобразного юмора. Порой ему хотелось проверить свое мнение сообщением о бодкинском пеликозавре, но всякий раз он почему-то отказывался от этого.

Сержант, строгий, добросовестный шотландец, по фамилии Макреди, взобрался на проволочную сетку, покрывавшую палубу катера, и аккуратно очищал ее от тяжелых листьев и

лиан. Никто из остальных троих людей, бывших на палубе, не пытался помочь ему; под коричневым загаром лица их были худыми и истощенными, они равнодушно сидели в ряд. Постоянная жара и ежедневные огромные дозы антибиотиков лишили их всей энергии.

Солнце поднялось над лагуной еще выше, превратив облака пара в сплошной золотой занавес, и Керанс почувствовал ужасное зловоние, шедшее от поверхности воды: смешанный запах мертвых растений и разлагавшихся тел животных. Огромные мухи жужжали вокруг, задерживаемые проволочной сетью катера, а над поверхностью воды неслись большие летучие мыши, направляясь к своим жилищам в полузатонувших зданиях. Керанс понял, что лагуна, казавшаяся ему с балкона несколько минут назад прекрасной и безмятежной, на самом деле была огромным болотом, полным гниющего мусора.

– Пойдемте наверх, – предложил он Риггсу, понижая голос, чтобы не услышали остальные, – у меня есть что выпить.

– Хороший вы парень. Рад, что вы сохранили прекрасные манеры. – Риггс крикнул Макреди: – Сержант, я отправлюсь вверх проверять работу дистилляционной установки доктора. – Он подмигнул Керансу, так как Макреди принял его слова со скептическим кивком, но предложение было безупречным. Остальные люди на палубе сняли с поясов фляжки и, получив неохотное одобрение сержанта, собрались спокойно ждать возвращения полковника.

Керанс через подоконник взобрался в спальню, выходящую на выступ:

– В чем ваше затруднение, полковник?

– Это не мое затруднение. В действительности оно ваше.

Они с трудом поднимались по лестнице, Риггс своей полицейской дубинкой время от времени сбивал лианы, оплетавшие перила.

– Вы не застали здесь работающий лифт? Я всегда говорил, что это место переоценивают. – Однако он одобрительно улыбнулся, когда они вступили в прохладные помещения под крышей, и с довольным видом уселся в позолоченное кресло в стиле Людовика XV. – Что ж, тут неплохо. Я всегда считал, что вы умеете извлекать пользу из этих обломков. Хорошо было бы пожить тут. Найдется место?

Керанс покачал головой, нажимая кнопку и выжидая, пока из фальшивого книжного шкафа появится коктейль-бар.

– Попробуйте пожить в Хилтоне. Там лучше обслуживание.

Ответ был шутовым, но хотя Керансу и нравился Риггс, он предпочитал видеться с ним как можно реже. Сейчас они были разделены лагуной, а от постоянного звона оружия и кухонных запахов базы их отделяли джунгли. Хотя Керанс знал всех членов отряда Риггса – их было человек двадцать, – за исключением коротких разговоров в госпитале, он уже шесть месяцев ни с кем не разговаривал. Даже свои контакты с Бодкиным он свел к минимуму. По взаимному согласию биологи отказались от шуток и коротких бесед на посторонние темы, которые случались у них в первые годы работы.

Растущая замкнутость и стремление к одиночеству, которые проявляли все члены отряда, за исключением жизнерадостного Риггса, напоминали Керансу замедленный метаболизм и биологическое одиночество, которое испытывали все животные формы перед большими видовыми изменениями. Иногда он размышлял над тем, в каком переходном периоде он сам находится, ибо был уверен, что его самоизоляция не проявление скрытой шизофрении, а тщательная подготовка к совершенно иной жизненной среде, со своей внутренней логикой, где старые категории будут лишь препятствием.

Он протянул стакан шотландского виски Риггсу, поставил свой стакан на стол, слегка сдвинув при этом грудку книг с приемника.

– Слушаете иногда эту штуку? – спросил Риггс с легким намеком на неодобрение в голосе.

– Никогда, – ответил Керанс. – Зачем? Мы знаем новости на следующие три миллиона лет.

– Вряд ли. Вам следует иногда включать приемник. Можно услышать интересные вещи. – Он поставил стакан и наклонился вперед. – Например, сегодня утром вы могли бы услышать, что мы в течение трех дней должны собраться и уйти. – Он кивнул, когда Керанс с удивлением взглянул на него.

– Получили сообщение ночью из Берд. Уровень воды по-прежнему поднимается, и вся наша работа проделана напрасно – как я, кстати, всегда и утверждал. Американские и русские отряды уже отозваны. Температура на экваторе достигла 180 градусов¹ и продолжает расти, а пояса дождей дошли до 20-й параллели. Увеличивается и количество ила...

Он оборвал себя, задумчиво взглянув на Керанса.

– В чем дело? Разве вы не рады уйти?

– Конечно, рад – автоматически ответил Керанс. Он взял стакан и пересек комнату, чтобы поставить его в бар, но неожиданно остановился и тронул каминные часы. Казалось, он что-то искал в комнате. – Через три дня, вы сказали?

– А сколько бы вы хотели – три миллиона? – Риггс широко улыбнулся. – Роберт, мне кажется, вы тайком хотите остаться.

Керанс подошел к бару и вновь наполнил свой стакан. Он привык к монотонности и скуке предыдущих лет, как бы исключив себя из обычного времени и пространства, и внезапное возвращение на землю привело его в замешательство. Вдобавок он знал, что есть и другие мотивы и затруднения.

– Не говорите глупостей, – ответил он. – Просто я не ожидал, что придется так быстро собираться. Конечно, я буду рад уехать, хотя должен признаться, что и тут мне нравится. – Он жестом указал на комнату. – Возможно, это соответствует моему темпераменту, более пригодному для конца века. В Кемп Берд придется жить в банке сардин.

Риггс встал, застегиваясь:

– Роберт, вы странный человек.

Керанс внезапно поставил стакан.

– Послушайте, полковник, я не могу помочь вам сегодня утром. Мне кое-что пришло в голову.

Он заметил, как Риггс медленно покачал головой.

– Да, я понимаю. Это моя забота.

– Верно. Я видел ее вчера вечером и вторично сегодня утром, уже после получения новости. Вам нужно убедить ее, Роберт. Сейчас она решительно отказывается уходить. Она не понимает, что это конец, что больше тут не будет ни одного сдерживающего отряда. Она, возможно, продержится еще шесть месяцев, но в марте, когда пояс ливней придет сюда, мы не сможем даже послать за ней вертолет. В любом случае после нашего ухода никто не будет о ней заботиться. Я говорил ей это, но она отвернулась и не стала слушать.

Керанс мрачно улыбнулся, представив себе этот резкий поворот бедер и надменную походку.

– Иногда Беатрис трудно переносить, – сказал он, надеясь, что она не слишком обидела Риггса.

Вероятно, потребуется гораздо больше трех дней, чтобы убедить ее, и Керанс хотел быть уверенным, что полковник будет ждать.

– Она сложная натура и живет как бы на нескольких уровнях. Пока эти уровни не синхронизованы, она может вести себя как сумасшедшая.

---

¹ По Фаренгейту, т. е. около 80 °С.

Они вышли из комнаты; предварительно Керанс установил термостат на нужную температуру и тщательно проверил воздушные занавеси. Они медленно спускались к катеру, и Риггс заглядывал в номера и свистом распугивал змей, медленно ползавших на покрытых плесенью диванах. Когда они вступили на палубу катера, Макреди закрыл за ними проволочную дверь.

Через пять минут, таща за собой на буксире катамаран, они поплыли по лагуне, удаляясь от отеля. Золотые волны сверкали в кипящем воздухе, круг огромных растений вокруг них плясал в поднимающихся воздушных струях – джунгли были полны колдовского очарования.

Риггс внимательно смотрел вперед через проволочную сетку.

– Слава богу, этот сигнал из Берд пришел наконец-то. Мы должны были уйти еще год назад. Все это тщательное картографирование гаваней для возможного использования когда-нибудь в будущем – сплошной абсурд. Даже если эти солнечные вспышки утихнут, пройдет не менее десяти лет, прежде чем можно будет попытаться вновь занять города. К тому времени даже самые большие здания утонут под илом. Потребуется несколько дивизий только для того, чтобы расчистить эти джунгли по берегам лагуны. Бодкин говорил утром, что некоторые из этих растений уже превышают сотню футов. Это место не что иное, как смешанный зоопарк.

Он снял за козырек свою фуражку и потер лоб, затем, перекрикивая рев дизелей, сказал:

– Если Беатрис останется здесь, она действительно сумасшедшая. Кстати, это напомнило мне еще об одной причине, почему нам нужно уйти. – Он взглянул на одинокую высокую фигуру сержанта Макреди, стоявшего у румпеля и пристально всматривавшегося в воду, и на истощенные лица остальных. – Скажите, доктор, как вы спите последние дни?

Удивленный Керанс взглянул на полковника, размышляя, имеет ли этот вопрос отношение к его чувствам к Беатрисе Дал. Риггс глядел на него своими умными глазами, машинально помахивая трубкой.

– Очень крепко, – спокойно ответил Керанс. – Никогда не спал лучше. А почему вы спрашиваете?

Но Риггс лишь покачал головой и начал выкрикивать распоряжения Макреди.

2. Приход игуан

Пронзительно крича, как потревоженный дух банши, большая летучая мышь с носом, похожим на молот, вылетела из боковой протоки и устремила прямо к катеру. Ее сонор был обманут лабиринтом гигантских паутин, натянутых в протоке колонией пауков-волков, и она чуть не наткнулась на проволочную сетку над головой Керанса, а затем полетела над линией затонувших зданий, увертываясь от огромных листьев папоротников, выросших на крышах. Внезапно, когда она пролетала мимо одного из нависавших карнизов, неподвижный, похожий на камень выступ двинулся и мгновенно поймал мышь в воздухе. Раздался короткий пронзительный визг, и Керанс успел заметить, как ломались крылья в пасти ящера. Затем рептилия вновь неподвижно замерла среди листвы.

На всем пути вдоль залива, высываясь из окон контор и правительственных зданий, за ними следили игуаны, медленно поворачивая свои твердые, покрытые роговыми наростами головы. Они бросались вслед за катером, хватали насекомых, изгнанных волной из гнезд гниющей растительности, вновь карабкались в окна и занимали прежние наблюдательные посты. Без этих рептилий лагуны и заливы с полузатонувшими коробками зданий в нестерпимой жаре были полны сонным очарованием, но игуаны и другие рептилии разрушали эти чары. Как свидетельствовало их появление в окнах контор, рептилии овладели городом. Теперь они были господствующей формой жизни.

Глядя вверх на их древние, лишённые выражения морды, Керанс ощущал ужас, который они вызывали, как наследие ужасных джунглей палеозоя, когда рептилии уступили перед натиском млекопитающих, и чувствовал непримиримую ненависть, которую испытывает один зоологический класс к другому, победившему его.

В конце пролива они оказались в следующей лагуне – широком круге темной зеленой воды с полмили в диаметре. Линия красных пластмассовых бакенов отмечала проход к отверстию в противоположной стороне. Осадка катера была немногим более фута, и когда они двигались по ровной поверхности воды, наклонные лучи солнца сзади освещали глубины. Ясно видны были остовы пяти- и шестиэтажных зданий, колебавшиеся в воде, как привидения. Изредка поросшая мхом крыша высывалась из воды.

В 60 футах под ними прямой широкий проспект пролегал между зданиями – часть бывшей главной улицы города. Видны были поржавевшие корпуса автомашин, стоявших у обочины. Большинство лагун в центре города было окружено сплошным кольцом зданий, поэтому в них было сравнительно немного ила. Свободные от растительности, защищенные от дрейфующих масс саргассовых водорослей, улицы и магазины сохранились нетронутыми, словно отражение в воде, потерявшее свой оригинал.

Большая часть города была покинута давно, сравнительно долго держались железобетонные здания в центре – в торговом и правительственном районах. Кирпичные дома и одноэтажные фабрики пригородов полностью скрылись под толщей ила. Гигантские тропические леса выросли по берегам, покрыв пшеничные поля умеренной зоны Европы и Северной Америки. Сплошная стена растительности, иногда достигавшая 300 футов высоты, показывала, как в ночном кошмаре, возвращение конкурирующих видов из палеозойской эры, и единственным доступным для отрядов Объединенных Наций проходом оказывалась система лагун, образовавшихся на месте прежних городов. Но даже эти лагуны постепенно затягивались илом и погружались глубже.

Керанс помнил бесконечные зеленые сумерки, смыкавшиеся за отрядом, по мере того как он медленно двигался к северу по Европе, оставляя один город за другим. Растительность очень быстро закрывала протоки, перебрасываясь с крыши на крышу.

Теперь они оставляли еще один город. Несмотря на массивные конструкции зданий центра, он представлял собой теперь три главные лагуны, окруженные сетью небольших озер до 50 ярдов в диаметре, и сложную паутину каналов и протоков, в общих чертах повторявшую план улиц города и переходившую по краям в сплошные джунгли. Кое-где эти каналы совсем исчезли, иногда расширялись, образуя участки чистой воды. Джунгли захватили архипелаг островов и превращались в сплошной массив с южного края города.

Военная база, где размещались Риггс и его отряд, приведшая на буксире и поставившая на якорь биологическую испытательную станцию, находилась в самой южной из трех лагун и скрывалась под защитой нескольких самых высоких зданий города – тридцати-сорокаэтажных коробок бывших правлений фирм и банков.

Когда они пересекали лагуну, желтый плавающий барабан базы находился на солнечной стороне, винты вертолета на крыше базы поднимали волну, на которой покачивался меньший белый корпус биологической станции. Сама станция располагалась в 200 ярдах ниже по берегу и была пришвартована к большому горбатому зданию – когда-то это был концертный зал.

Керанс взглянул на лишённые окон белые прямоугольники, напоминавшие ему залитые солнцем улицы Рио и Майами, – он в детстве читал о них в энциклопедии в Кемп Берд. Любопытно, однако, что, несмотря на красоту и загадочность лагун затонувших городов, он не чувствовал никогда ни малейшего интереса к ним и не заботился узнавать, в каком именно городе сейчас находится станция.

Доктор Бодкин, который был на 25 лет старше Керанса, когда-то жил в нескольких городах Европы и Америки и проводил много времени на окраинных водных протоках, разыскивая прежние библиотеки и музеи. Но в них не было ничего, кроме его воспоминаний.

Вероятно, именно отсутствие личных воспоминаний делало Керанса равнодушным к зрелищу этой затонувшей цивилизации. Он родился и вырос в месте, известном под названием Антарктического круга, – теперь это была субтропическая зона с максимумом годовой температуры в 85 градусов – и южнее бывал только в экологических экспедициях. Обширные болота и джунгли были для него лабораторией, а затонувшие города – всего лишь сложным основанием этой лаборатории.

Кроме нескольких пожилых людей, как Бодкин, никто не помнил жизни в этих городах, да и во времена детства Бодкина города представляли собой осажденные крепости, окруженные огромными дамбами и разделенные паникой и отчаянием. Сейчас их странное очарование и красота заключались в пустоте, в необычном соединении крайностей природы, как корона, оплетенная дикими орхидеями.

Последовательность гигантских геофизических сдвигов, преобразивших климат Земли, началась 60 или 70 лет назад. Серия мощных продолжительных солнечных бурь, вызванных внезапной нестабильностью Солнца, привела к расширению поясов Ван Аллена и тем самым, удалив верхние слои ионосферы, ослабила на них действие земного тяготения. Эти слои рассеялись в космосе, уменьшив земной защитный барьер против солнечной радиации; температура начала постоянно расти, нагретые слои атмосферы поднимались вверх, в ионосферу, и цикл повторялся.

По всей Земле среднегодовая температура росла ежегодно на несколько градусов. Большая часть тропиков вскоре стала необитаемой; население, спасаясь от температуры в 130–140 градусов, устремилось на север и на юг. Умеренные зоны стали тропическими, Европа и Северная Америка изнемогали от зноя, температура тут поднималась до 100 градусов. Под руководством Объединенных Наций началось заселение Антарктиды и северных районов Канады и России.

В начальные 20 лет жизнь постепенно приспособлялась к изменившемуся климату. Не хватало энергии для того, чтобы отбросить надвигавшиеся из экваториальных районов джунгли. Возросший уровень радиации привел к многочисленным мутациям и бурному росту

растительности. Появилось множество необычных растительных форм, напоминавших тропические леса Калифорнийского периода; решительно пошли в ход низшие формы растительной и животной жизни.

Наступление этих далеких предков современной жизни было поддержано вторым большим геофизическим сдвигом. Постоянное повышение температуры вызвало таяние полярных ледовых шапок. Огромные ледяные поля Антарктиды треснули и растаяли, десятки тысяч ледников, окружавших Арктический круг в Гренландии, Северной Европе, России и Северной Америке, превратились в моря и гигантские реки.

Вначале уровень воды в Мировом океане повысился лишь на несколько футов, но огромные расширяющиеся потоки несли с собой миллиарды тонн ила. У их концов формировались массивные дельты, изменявшие очертания континентов и дававшие дорогу океану в глубь суши. Их интенсивное расширение привело к постепенному затоплению более чем двух третей земной поверхности.

Гоня перед собой валы ила и грязи, новые моря непрерывно меняли контуры континентов. Средиземное море превратилось в систему внутренних озер. Британские острова соединились с Северной Францией. Средний Запад Соединенных Штатов, затопленный Миссисипи, пробившей Скалистые горы, стал огромным заливом и соединился с заливом Гудзона. Карибское море превратилось в болото, полное ила и соленой грязи. Европа покрылась системой огромных лагун, в центре каждой из них лежал город, затопленный илом, который несли с юга расширяющиеся водные потоки.

В продолжение следующих 30 лет совершалась миграция населения на полюса. Несколько укрепленных городов сопротивлялись поднимающейся воде и наступающим джунглям, сооружая по своему периметру огромные стены, но они одна за другой прорывались. Только внутри Арктического и Антарктического кругов оказалась возможной жизнь. Значительный наклон солнечных лучей создавал здесь дополнительный заслон от радиации. Города высоко в горах ближе к экватору были оставлены, несмотря на сравнительно невысокую температуру, именно из-за отсутствия атмосферной защиты от солнечной радиации.

Именно этот последний фактор, по-видимому, решил и задачу размещения населения Земли. Постоянное уменьшение жизненной активности млекопитающих и усиление земноводных и рептилий, более приспособленных к водной жизни в лагунах и болотах, изменило экологический баланс, и ко времени рождения Керанса в Кемп Берд, городе с десятью тысячами жителей в Северной Гренландии, в северных районах Земли, по приблизительным оценкам, жило около пяти миллионов человек.

Рождение ребенка стало сравнительной редкостью, и только один брак из десяти давал потомство. Как иногда говорил себе Керанс, генеалогическое дерево человечества постепенно сокращается, двигаясь назад во времени. Когда-нибудь может наступить такой момент, когда вторые Адам и Ева обнаружат себя одиночками в новом Эдеме.

Риггс заметил, что Керанс улыбается своему причудливому образу.

– Что вас развеселило, Роберт? Одна из ваших двусмысленных шуток? Не пытайтесь объяснить ее мне.

– Я представил себя в новой роли, – Керанс взглянул на прямоугольник какого-то здания в двадцати футах от них; волна, поднятая катером, переклестнула через окна одного из верхних этажей. Резкий запах влажной извести контрастировал с тяжелыми испарениями растительности. Макреди ввел катер в тень здания, здесь было сравнительно прохладно.

Через лагуну Керанс видел дородную, с голой грудью, фигуру доктора Бодкина на правом борту испытательной станции; широкий пояс и зеленый целлулоидный козырек над глазами делали его похожим на морского пирата. Он срывал оранжевые ягоды с папоротника, нависавшего над испытательной станцией, и бросал их в галдящих обезьянок, висевших на ветках над его головой; Бодкин подстрекал их игривыми криками и свистом. В пятидесяти футах, на

карнизе здания, три игуаны следили за этой сценой с каменной неподвижностью; только их хвосты время от времени поворачивались из стороны в сторону.

Макреди повернул румпель, и они в облаке брызг приблизились к стене высокого здания с белым фасадом; над водой возвышалось не менее двадцати этажей этого здания. Крыша прилегающего меньшего здания служила пристанью, к ней был пришвартован проржавевший белый корпус небольшого крейсера.

Наклонные обзорные иллюминаторы рулевой рубки были разбиты и выпачканы, выхлопные отверстия пропускали в воду струйки масла.

Пока катер под управлением опытного Макреди качался возле крейсера, они прыгнули на пристань, прошли ее и по узкому металлическому мостику перебрались в большее здание. Стены коридора в нем были влажными, на штукатурке большие пятна плесени, но лифт все еще работал, снабжаемый энергией из запасного двигателя. Они медленно поднялись на крышу и оттуда опустились в двухэтажную квартиру, находившуюся непосредственно под крышей.

Прямо под ними находился небольшой плавательный бассейн с крытым двориком; яркие пляжные кресла скрывались в тени доски для ныряния. С трех сторон бассейна в окнах были вставлены желтые венецианские стекла, но сквозь щели жалюзи можно было видеть прохладную полутьму внутренних помещений, блеск хрусталя и серебра на редких столиках. В тусклом свете под синим полосатым навесом в глубине крытого дворика был длинный хромированный прилавок, такой же соблазнительный, как прохладный бар, разглядываемый с пыльной и жаркой улицы; стаканы и графины отражались в украшенном дорогой рамой зеркале. Все в этих частных богатых покоях казалось таким безмятежным, оно было на тысячи миль удалено от полной насекомых растительности, от тепловатой воды джунглей, находившейся двадцатью этажами ниже.

За дальним краем бассейна, украшенном орнаментальным балконом, открывался широкий вид на лагуну: город, поглощенный надвигающимися джунглями, широкие улицы серебряной воды, расширяющиеся к зеленому пятну южной части горизонта. Массивные отмели ила поднимали свои спины над поверхностью воды, из них торчали светло-зеленые копыя – ростки гигантского бамбука.

Вертолет поднялся со своей платформы на крыше базы и по широкой дуге пролетел в воздухе над их головами, пилот выпрямил машину и изменил направление полета, два человека через открытый люк в бинокли внимательно рассматривали крыши.

Беатрис Дал полулежала в одном из кресел, ее длинноногое гладкое тело сверкало в тени, как спящий питон. Розовыми кончиками пальцев одной руки она придерживала полный стакан, стоявший перед ней на столе, другой рукой медленно перелистывала страницы журнала. Широкие черно-синие защитные очки скрывали ее гладкое ровное лицо, но Керанс заметил на нем выражение легкого недовольства. Очевидно, Риггс разозлил ее, убеждая оценить логику его доводов.

Полковник остановился у перил, глядя вниз, на прекрасное гибкое тело, с нескрываемым одобрением. Заметив его, Беатрис сняла очки и поправила лямки своего бикини. Глаза ее были спокойны.

– Эй вы, оба! Убирайтесь! Здесь вам не стриптиз.

Риггс хихикнул и быстро спустился по белой металлической лесенке. Керанс шел за ним, недоумевая, как убедить Беатрис покинуть это прекрасное убежище.

– Моя дорогая мисс Дал, вам должно польстить, что я пришел посмотреть на вас, – сказал ей Риггс, приподнимая тент и садясь рядом с ней в одно из кресел. – Поскольку, как военный губернатор этой территории, – тут он игриво подмигнул Керансу, – я несу определенную ответственность за вас. И наоборот.

Беатрис быстро и неодобрительно взглянула на него, тут же повернулась и включила автоматический проигрыватель.

– О боже... – она добавила про себя что-то похожее на проклятие и посмотрела на Керанса. – А вы, Роберт? Что привело вас сюда так рано?

Керанс дружелюбно улыбнулся:

– Мне не хватало вас.

– Хороший мальчик. А я подумала, что этот гауляйтер напугал вас своими страшными рассказами.

– Да, он пугал меня. – Керанс взял с колен Беатрис журнал и принялся лениво просматривать его. Это был сорокалетней давности выпуск парижского «Вог», страницы его были ледяными: по-видимому, он сохранился где-то в холодильнике. Керанс опустил журнал на крытый зеленым кафелем пол. – Беа, похоже, мы все уйдем через несколько дней. Полковник и его люди уходят. Мы не сможем оставаться здесь после их ухода.

– Мы? – сухо повторила она. – Я не думаю, что у вас есть хоть малейшая возможность остаться.

Керанс невольно взглянул на Риггса.

– Нет, конечно, – кратко ответил он. – Вы понимаете, о чем я говорю. В следующие 48 часов у нас будет очень много дел, постарайтесь не усложнять нашего положения.

Прежде, чем девушка ответила, Риггс спокойно добавил:

– Температура продолжает повышаться, мисс Дал. Вам будет тут нелегко, когда она достигнет 130 градусов, а горючее для вашего генератора кончится. Большой экваториальный пояс дождей движется на север, через несколько месяцев он будет здесь. Когда пройдут дожди и разойдутся облака, вода в этом бассейне, – он указал на резервуар с обеззараженной водой, – закипит. К тому же анофелес типа X, скорпионы и игуаны, ползающие всю ночь, не дадут вам уснуть. – Закрыв глаза, он добавил: – Вот что вас ждет, если вы останетесь.

При его словах рот девушки дернулся. Керанс понял, что вопрос Риггса о том, как он спал последние ночи, не касается его взаимоотношений с Беатрис.

Полковник продолжал:

– Вдобавок от средиземных лагун движется на север всякое отребье: грабители, мародеры, – и вам нелегко будет иметь с ними дело.

Беатрис перебросила свои длинные черные волосы через плечо:

– Я буду держать дверь на замке, полковник.

Керанс раздраженно выпалил:

– Ради бога, Беатрис, что вы пытаетесь доказать? Пока вы можете развлекаться, пугая нас своими самоуничтожительными шутками, но когда мы уйдем, вам будет не до веселья. Полковник старается вам помочь, но вообще-то ему наплевать, останетесь вы или нет.

Риггс коротко рассмеялся.

– Что ж, я уйду. А если вас очень беспокоят мои заботы о вашей безопасности, мисс Дал, отнесите это к высокоразвитому у меня чувству долга.

– Это интересно, полковник, – саркастически заметила Беатрис. – А я-то всегда считала, что наш долг оставаться здесь до последней возможности. Во всяком случае, – тут в ее глазах промелькнуло знакомое выражение насмешливого юмора, – так говорил мой дед, когда правительство конфисковало большую часть его собственности. – Она заметила, что Риггс через ее плечо смотрит на бар. – В чем дело, полковник? Ищите своего держателя опухала? Я не собираюсь предлагать вам выпить. Ваши люди и так приходят сюда лишь пьянствовать.

Риггс встал:

– Хорошо, мисс Дал. Я уйду. Увидимся позже, доктор. – Он с улыбкой козырнул Беатрис. – Завтра я пришлю катер за вашими вещами, мисс Дал.

После ухода Риггса Керанс откинулся в кресле и принялся следить за вертолетом, кружившим над соседней лагуной. Иногда вертолет опускался к самой воде, и тогда воздушная

волна от винта срывала листья с папоротников и сбрасывала игуан с ветвей и крыш. Беатрис принесла бутылку и села на скамеечку у ног Керанса.

– Я хочу, чтобы вы не думали обо мне так, как этот человек, Роберт. – Она протянула ему напиток, опираясь локтями в его колени. Обычно Беатрис выглядела спокойной и самодовольной, но сегодня она была печальной и усталой.

– Простите, – сказал Керанс. – Возможно, я еще сам себя не понимаю. Ультиматум Риггса был для меня неожиданностью. Я не думал, что придется уходить так скоро.

– Вы останетесь, Роберт?

Керанс помолчал. Автоматический проигрыватель перешел от пасторали к седьмой симфонии Бетховена. Весь день, без перерыва, он проигрывал цикл из девяти симфоний. Керанс задумался в поисках ответа, печальная мелодия седьмой симфонии соответствовала его нерешительности.

– Вероятно, да, хотя и не знаю, почему. Это не может быть объяснено лишь эмоциональным порывом. Должны быть более основательные причины. Возможно, эти затонувшие лагуны напоминают мне затонувший мир моих предков. Все, что Риггс говорит, правда. Будет очень мало шансов выжить при тропических штормах и малярии.

Он положил руку на ее лоб, определяя температуру, как у ребенка:

– Что Риггс имел в виду, когда говорил, что вы не сможете хорошо спать? Он вторично упомянул об этом сегодня.

Беатрис на мгновение отвела взгляд.

– О, ничего... Две прошлые ночи меня мучили кошмары. И то же у большинства людей здесь. Забудьте это. Ответьте мне, Роберт, серьезно – если я решу остаться здесь, останетесь ли вы? Вы сможете поселиться здесь?

Керанс улыбнулся:

– Хотите соблазнить меня, Беа? Что за вопрос. Вспомните, вы не только самая прекрасная женщина здесь, вы вообще единственная женщина. Нет ничего более необходимого, чем база, для сравнения. У Адама не было эстетического чувства, иначе он понял бы, что Ева – прекрасная, но случайная награда за труд.

– Вы откровенны сегодня. – Беатрис встала и подошла к краю бассейна. Она обеими руками перебрала волосы на лоб, ее длинное гибкое тело сверкало в солнечных лучах. – Но разве все действительно так, как заявляет Риггс? У нас останется крейсер.

– Он неисправен. Первый серьезный шторм потопит его, как ржавый бидон.

Ближе к полудню жара на террасе стала невыносимой, они оставили дворик и перешли внутрь. Двойные венецианские стекла пропускали лишь часть солнечного света, воздух внутри был прохладен. Беатрис растянулась на длинной, бледно-голубой, крытой какой-то шкурой софе, рука ее играла мехом. Это помещение принадлежало деду Беатрис и было ее домом, с тех пор как ее родители умерли вскоре после ее появления на свет. Выросла она под присмотром деда, одинокого эксцентричного промышленного магната (Керанс не знал источников его богатства; когда он спросил об этом Беатрис вскоре после того, как они с Риггсом натолкнулись на ее двухэтажную квартиру на крыше небоскреба, она кратко ответила: «Скажем, у него было много денег»). В прежние времена этот магнат был известным меценатом. Вкусы его склонялись ко всему эксцентричному и причудливому, и Керанс часто думал, насколько его личность отразилась в его внучке. Над камином висела большая картина сюрреалиста начала XX века Дельво; на ней женщина с обезьяньим лицом, обнаженная до пояса, танцевала со скелетами в смокингах на фоне многоцветного пейзажа. На другой стене висели фантазмагорические джунгли Макса Эрнста.

Некоторое время Керанс молча смотрел на тусклое желтое солнце, светившее сквозь экзотическую растительность на картине Эрнста; странное чувство воспоминания и узнавания было у него. Вид этого древнего солнца что-то будил в глубинах его подсознания.

– Беатрис.

Она смотрела на него, он подошел к ней.

– В чем дело, Роберт?

Керанс колебался, чувствуя, что наступает решительный момент, который ввергнет его в полосу потрясений и изменений.

– Вы должны понять, что если Риггс уйдет без нас, позже мы сами уйти не сможем. Мы останемся.

3. К новой психологии

Поставив свой катамаран на якорь у причальной площадки, Керанс спрыгнул с него и по трапу поднялся на базу. Подойдя к двери в защитной сетке, он обернулся и сквозь волны жары, заливавшие лагуну, увидел на противоположном берегу у балконных перил фигуру Беатрис. Он помахал ей рукой, однако она, не отвечая, отвернулась.

– Сегодня у нее день плохого настроения, доктор? – сержант Макреди вышел из каюты охраны, его лицо с клювообразным носом исказилось подобием усмешки. – Она необычное существо, не правда ли?

Керанс пожал плечами.

– Вы знаете этих девушек, слишком долго живущих в одиночестве, сержант. Если вы не поостережетесь, они постараются свести вас с ума. Я пытался убедить ее собрать вещи и отправиться с нами. Вряд ли мне это удалось.

Макреди пристально взглянул на крышу далекого небоскреба на противоположном конце лагуны.

– Я рад, что вы так говорите, доктор, – заметил он уклончиво, и Керанс так и не смог решить, относится ли его скептицизм к Беатрис или к нему самому.

Останутся они или нет, но Керанс решил делать вид, что они уходят вместе со всеми: каждую минуту из последующих трех дней следовало потратить на увеличение запасов; нужно было тайком унести со складов базы как можно больше необходимого оборудования. Керанс все еще не принял окончательного решения – вдали от Беатрис его нерешительность вернулась (он уныло размышлял, насколько искренне говорила она с ним – Пандора, с ее смертоносным ртом и с ящиком, полным желаний и разочарований, с легко открывающейся и столь же легко захлопывающейся крышкой), но хотя эта нерешительность ясно отражалась у него на лице и доставляла ему большие мучения, а Риггс и Бодкин легко могли определить ее причины, он тем не менее решил оттягивать решение до последней возможности. Хотя он и не любил эту базу, он знал, что вид уплывающей базы подействует на него как мощный катализатор страха и паники, и тогда любые отвлеченные причины его отказа уехать потеряют всякую силу. Год назад он случайно остался в одиночестве на небольшом рифе. Ему пришлось проводить дополнительное геомагнитное исследование, и он не услышал сирену, так как снимал показания приборов в глубоком подвале. Когда 10 минут спустя он выбрался из подвала и обнаружил, что база находится в 600 ярдах от берега и это расстояние все увеличивается, он почувствовал себя, как ребенок, внезапно лишившийся матери. С огромным трудом подавил он панику и выстрелил из своего сигнального пистолета.

– Доктор Бодкин просил меня направить вас в лазарет, как только вы появитесь, сэр. Лейтенанту Хардману сегодня утром стало хуже.

Керанс кивнул и осмотрел пустую палубу. Он пообедал с Беатрис, зная, что база все равно в эти часы после полудня пустует. Половина экипажа находилась на катере Риггса или в вертолетах, остальные спали в своих каютах, и он надеялся спокойно осмотреть склады и арсенал базы. К сожалению, Макреди, эта сторожевая собака полковника, шел за ним следом, готовый сопровождать его до лазарета на палубе В.

Керанс старательно осматривал пару комаров-анофелесов, пробравшихся через проволочную сетку перед ним.

– Все еще пробираются, – указал он на них Макреди. – А что слышно насчет второго заграждения, которое вы должны были установить?

Сбивая комаров фуражкой, Макреди неуверенно огляделся. Второй ряд экранов из проволочной сетки вокруг всей базы был любимым проектом полковника Риггса. Время от времени он приказывал Макреди выделить для этой работы людей, но так как эта работа означала

пребывание на неудобных деревянных козлах под прямыми солнечными лучами в облаке москитов, до сих пор было установлено только несколько секций вокруг каюты Риггса. Теперь, когда они постепенно двигались на север, необходимость во втором ряде ограждений вообще отпадала, но пуританская совесть Макреди не могла успокоиться.

– Сегодня же вечером я вышло людей, доктор, – заверил он Керанса, доставая из кармана ручку и блокнот.

– Не торопитесь, сержант, но если более важных дел не найдется, полковник будет доволен. – Керанс оставил сержанта, осматривавшего металлические жалюзи, и пошел по палубе. Когда Макреди не мог его видеть, он свернул в первую же дверь.

На палубе С, самой низкой из трех палуб, составлявших базу, находились каюты экипажа и камбуз. Два или три человека были в каютах, но кают-компания была пуста, в углу, на столе для настольного тенниса, тихо звучала музыка из радиоприемника. Керанс подождал, прислушиваясь к редким ритмам гитары, перекрываемым отдаленным гулом вертолета, кружившего над соседней лагуной, затем по центральному трапу спустился в трюм, где находились мастерские базы и арсенал.

Три четверти трюма были заняты двухтысячесильным дизелем, вращавшим два винта, и резервуарами с маслом и авиационным бензином; мастерские частично переместили на палубу А, так как там пустовало несколько помещений, а механикам, обслуживающим вертолеты, удобнее было находиться наверху.

Когда Керанс вошел в трюм, там было полутемно. Единственная слабая лампа горела в стеклянной будке техника; арсенал был закрыт. Керанс осмотрел ряды тяжелых деревянных стоек и шкафов с карабинами и автоматами. Стальной прут, проходивший через кольца всех карабинов, удерживал их на местах; Керанс трогал тяжелые ложа, раздумывая, мог бы он вынести оружие, даже если б его удалось извлечь из шкафа. В ящике его стола на испытательной станции лежал кольт-45 с пятьюдесятью патронами, полученный три года назад. Раз в год он предъявлял это оружие и получал новые патроны, но ему ни разу так и не пришлось стрелять из пистолета.

Идя обратно, он внимательно разглядывал темно-зеленые ящики с амуницией, сложенные грудой у шкафов; все ящики были закрыты на висячие замки. Проходя мимо будки техника, он увидел, что тусклый свет оттуда осветил ярлыки на ряде металлических сосудов под одним из рабочих столов.

Керанс остановился, просунул пальцы через проволочную сетку и стер пыль с ярлыков, читая написанную на них формулу. «Циклотрайэтиленетринитрамин: скорость расширения газа – восемь тысяч метров в секунду».

Размышляя над возможным использованием взрывчатки – было бы прекрасно отметить уход Риггса взрывом одного из затопленных зданий и тем самым отрезать путь к возвращению, – он оперся локтями на стол, бездумно играя медным трехдюймовым компасом, оставленным для починки. Шкала прибора была чистой и поворачивалась на 180 градусов, острие упиралось в меловую отметку.

Все еще думая о взрывчатке и о необходимости раздобыть детонаторы и бикфордов шнур, Керанс стер меловую отметку, поднял компас и взвесил его в руке. Выйдя из арсенала, он поднялся по лестнице; освобожденная стрелка компаса дрожала. Мимо, по палубе С, прошел моряк, и Керанс быстро спрятал компас в карман.

Представив себе, как одним нажатием рукоятки он перебрасывает Риггса, испытательную станцию и всю базу в далекую лагуну, Керанс заставил себя остановиться у перил. Улыбаясь абсурдности своего вымысла, он удивился, как он это мог себе позволить.

Потом он заметил корпус компаса, высывавшийся из кармана. Некоторое время он задумчиво глядел на прибор.

– Погоди, Керанс, – пробормотал он. – Пока что ты живешь двумя жизнями.

Пять минут спустя, когда Керанс входил в лазарет, его ждали более срочные проблемы.

Три человека находились в лазарете из-за тепловых ожогов, но большая часть палаты на 12 коек пустовала. Керанс кивнул санитару, накладывавшему пенициллиновые повязки, и прошел к маленькой одиночной палате у правого борта.

Дверь была закрыта, но Керанс слышал безостановочное тяжелое скрипение койки, сопровождаемое раздраженным бормотанием пациента и ровным кратким ответом доктора Бодкина. Некоторое время доктор Бодкин продолжал свой монолог, затем послышалось несколько протестующих возгласов и наступила тишина.

Лейтенант Хардман, старший пилот вертолета (теперь вертолет управлялся помощником Хардмана сержантом Дейли), был вторым по старшинству офицером в отряде и до последних трех месяцев – заместителем Риггса, исполняя его обязанности в отсутствие полковника. Дородный, умный, но, пожалуй, излишне флегматичный человек 30 лет, он держался в стороне от остальных членов экипажа. Будучи натуралистом-любителем, он делал собственное описание изменяющейся фауны и флоры и разрабатывал собственную классификацию изменений. В один из редких моментов добродушного настроения он показал свои записки Керансу, но потом отобрал, когда Керанс тактично заметил, что классификация ошибочна.

Первые два года Хардман служил прекрасным буфером между Риггсом и Керансом. Остальная часть экипажа пользовалась указаниями лейтенанта, и это, с точки зрения Керанса, было большим преимуществом, так как более нетерпимый второй по старшинству человек в отряде мог бы сделать жизнь невыносимой. С легкой руки Хардмана в отряде установились свободные взаимоотношения, при которых новоприбывший через пять минут становился полноправным членом экипажа и никого не волновало, где он был два дня или два года назад. Когда Хардман организовывал баскетбольный матч или регату на лагуне, никто не впадал в неистовость; желание каждого принять участие встречалось с вежливым равнодушием.

Недавно, однако, в характере Хардмана начали преобладать иные элементы. Два месяца назад он пожаловался Керансу на постоянную бессонницу. Часто из окон Беатрис Дал Керанс далеко за полночь видел в лунном свете лейтенанта, стоявшего у вертолета на крыше базы и глядевшего на молчаливую лагуну. Затем Хардман, сославшись на малярию, отказался от своих ежедневных полетов. Запершись на неделю в каюте, он погрузился в странную жизнь, перечитывал свои старые записки или пересчитывал пальцы, как слепой, читающий азбуку Брайля, и перебирал сосуды с чучелами бабочек и гигантских насекомых.

Заболевание нетрудно было распознать. Керанс узнал симптомы, которые наблюдал у себя самого: «ускоренное вступление в зону перехода», – и оставил лейтенанта одного, попросив Бодкина навещать его периодически.

Любопытно, однако, что Бодкин отнесся к болезни Хардмана гораздо серьезнее.

Распахнув дверь, Керанс вошел в затемненную палату и остановился в углу у вентилятора, так как Бодкин предостерегающе протянул к нему руку. Жалюзи на окнах были спущены, и, к удивлению Керанса, кондиционер выключен. Воздух, вырывающийся сквозь лопасти вентилятора, был ненамного прохладнее температуры снаружи – кондиционер никогда не позволял температуре подниматься выше 70 градусов. Но Бодкин не только выключил кондиционер, но и включил небольшой электрический камин. Керанс вспомнил, как Бодкин мастерил этот камин на испытательной станции, устанавливая вокруг зеркала для бритья нить накаливания.

Бодкин, сидевший в легком металлическом кресле спиной к огню, был одет в белый шерстяной жакет, на котором были видны две широкие влажные полосы пота, и в тусклом красном свете Керанс видел, как по его коже скатывались капли, похожие на раскаленный добела свинец.

Хардман лежал, приподнявшись на одном локте, широкая грудь и плечи были обнажены, большие руки сжаты, к ушам прикреплены два наушника. Его узкое лицо с большими тяжелыми челюстями повернулось к Керансу, но глаза не отрывались от электрического пламени.

Отраженный параболической чашей, овальный диск красного света трех футов в диаметре освещал стену каюты.

Этот круг обрамлял голову Хардмана, как огромный сверкающий ореол. Слабый скребущийся звук доносился из портативного проигрывателя, стоявшего на полу у ног Бодкина; на диске проигрывателя вертелась пластинка трех дюймов в диаметре. Звуки, доносившиеся из звукоснимателя, напоминали медленные удары далекого барабана. Но вот Бодкин выключил проигрыватель. Он быстро записал что-то в своем блокноте, затем выключил камин и включил лампу у кровати больного.

Медленно качая головой, Хардман снял наушники и протянул их Бодкину:

– Напрасная трата времени, доктор. Эта запись лишена смысла, вы можете истолковать ее, как угодно, – он вытянул свои тяжелые конечности на узкой койке. Несмотря на жару, на его лице и обнаженной груди было совсем мало пота, и он следил за гаснущей спиралью камина с очевидным сожалением.

Бодкин встал и поставил проигрыватель на стул, вложив в него наушники.

– Вы не правы, лейтенант. Это что-то вроде звуковых пятен Роршаха. Вам не кажется, что последняя запись была более ясной?

Хардман неопределенно пожал плечами, очевидно, с неохотой соглашаясь с Бодкиным. Но, несмотря на это, Керанс чувствовал, что лейтенант рад принять участие в этом эксперименте, используя его для собственных целей.

– Возможно, – неохотно сказал Хардман. – Но боюсь, это не имеет никакого смысла.

Бодкин улыбнулся, ожидая встретить сопротивление Хардмана и готовый бороться с ним.

– Не оправдывайтесь, лейтенант; поверьте мне, это время потрачено не напрасно. – Он поманил Керанса. – Идите сюда, Роберт; правда, здесь очень жарко – мы с лейтенантом Хардманом проводили небольшой эксперимент. Я расскажу вам о нем, когда мы вернемся на станцию. Теперь, – он указал на стоявшие на столике у кровати два будильника, прикрепленных тыльными сторонами друг к другу. – Пусть эта штука действует постоянно, для вас это не будет слишком трудно, нужно только заводить оба будильника после каждого двенадцатичасового цикла. Они будут будить вас через каждые десять минут – это время, достаточное для отдыха, хоть вы и не успеете соскользнуть в глубокий сон и подсознательные видения. Надеюсь, кошмаров больше не будет.

Хардман скептически улыбнулся, бросив быстрый взгляд на Керанса.

– Я думаю, вы слишком оптимистичны, доктор. На самом деле вы, вероятно, считаете, что я должен научиться не бояться своих снов, отдавать себе полный отчет в них. – Он взял в руки толстую зеленую папку, свой ботанический дневник, и начал механически переворачивать страницы. – Иногда мне кажется, что я вижу сны постоянно, каждую минуту дня и ночи. Возможно, мы все их видим.

Тон его был смягченным и неторопливым, несмотря на усталость, иссушившую кожу вокруг глаз и рта, отчего его длинные челюсти выдавались еще больше, а лицо казалось худым, щеки запали. Керанс понял, что болезнь, чем бы она ни была, не затронула самой сущности Хардмана. Жесткая независимость Хардмана была столь же сильна, как будто стальное лезвие прорезало какое-то ограждение и высвободило скрытые силы организма.

Бодкин вытирал лицо желтым шелковым носовым платком, задумчиво глядя на Хардмана. Грязный шерстяной жакет и случайный подбор одежды, одутловатая, окрашенная хинином кожа делали его похожим на потрепанного знахаря, маскируя резкий и острый интеллект.

– Возможно, вы правы, лейтенант. Действительно, некоторые утверждают, что сознание есть не что иное, как особая разновидность каталиптического бреда, что способности и возможности центральной нервной системы во время сна столь же обширны, как и в период, кото-

рый мы называем бодрствованием. Тем не менее мы должны удовлетвориться первым приближением к истине и постараться излечить то, что возможно. Согласны, Керанс?

Керанс кивнул. Температура в каюте начала падать, и он почувствовал, что дышит свободнее.

– Нам поможет изменение климата. – Снаружи послышался глухой звук, как будто одна из лодок, висевших на шлюпбалках, ударила о борт базы. Он добавил: – Атмосфера лагуны вызывает слишком большое нервное напряжение. Я уверен, через три дня, уйдя отсюда, мы все почувствуем себя лучше.

Он был уверен, что Хардману говорили о скором уходе, однако лейтенант быстро взглянул на него и отложил свою папку. Бодкин громко откашлялся и начал вдруг говорить о вреде сквозняков от вентилятора. Несколько секунд Керанс и Хардман глядели друг другу в глаза, затем лейтенант кивнул сам себе и продолжил свое чтение, предварительно взглянув на будильники.

Сердясь на себя, Керанс отошел к окну, повернувшись к остальным спиной. Он понял, что умышленно сказал об отъезде Хардману, надеясь на вполне определенный ответ и точно зная, почему Бодкин не сообщил больному эту новость. Без тени сомнения он предупредил Хардмана, что если тот что-то задумал, все приготовления к этому должны быть закончены за три дня.

Керанс раздраженно взглянул на будущее приспособление на столе, размышляя над собственным поведением. Вначале бессмысленная кража компаса, теперь этот беспричинный акт саботажа. Ему и раньше случалось совершать ошибки, но в прошлом он всегда верил, что они возмещаются несомненным достоинством – полным и точным пониманием причин и целей его действий. Если он теперь склонен откладывать решение, то это было результатом нерешительности, нежеланием действовать, пока он полностью не осознает, как он относится к Беатрис Дал.

В запоздалой попытке усыпить свою совесть он сказал Хардману:

– Не забудьте часы, лейтенант. На вашем месте я заставил бы их звонить постоянно.

Выйдя из госпиталя, они спустились на пристань и взобрались в катамаран Керанса. Слишком уставший, чтобы заводить мотор, Керанс медленно греб вдоль троса, натянутого между базой и испытательной станцией. Бодкин сидел на носу, держа проигрыватель, похожий на почтовый ящик, между ног, и глядел на вялую зеленую воду, разрываемую носом лодки и испускающую яркие отблески. Его полное лицо, заросшее неопрятной серой щетиной, казалось усталым; он о чем-то задумался, посматривая на кольцо полузатонувших зданий, как усталый корабельный лоцман, в тысячный раз входящий в знакомую гавань. Когда они приблизились к испытательной станции, с ее крыши с ревом поднялся вертолет; корпус станции покачнулся, по воде прошла рябь, каскад брызг обрушился на их плечи. Бодкин выругался, но через несколько секунд они вновь были сухими. Хотя было уже гораздо позже четырех часов дня, солнце заполняло небо, превращая его в пылающий костер и заставляя опускать глаза к поверхности воды. Вновь и вновь в стеклянных стенах окружающих зданий они видели бесчисленные отражения солнца, двигавшиеся вслед за ними, как языки пламени, как сверкающие фасеточные глаза огромного насекомого.

Испытательная станция представляла собой двухэтажный барабан около пятидесяти футов в диаметре и грузоподъемностью в двадцать тонн. На нижней палубе находились лаборатории, на верхней – каюты двух биологов, штурманская рубка и кают-компания. Над крышей станции проходил небольшой мостик, на котором были размещены приборы, измеряющие температуру и влажность воздуха, количество осадков и уровень радиации. Груды сухих воздушных семян и бурых водорослей, сморщенных и сожженных солнцем, покрывали корой асфальтовые плиты понтона, масса водорослей смягчила толчок лодки, причалившей к корпусу станции, медленно расступаясь, как огромный влажный паром.

Они вошли в прохладную полутьму лаборатории и сели за свои столы под полукругом выгоревших таблиц и графиков, которые занимали всю стену до потолка и, покрытые следами водорослей и паром кофе, напоминали древние фрески. Таблицы слева, выполненные в первые годы их работы, были покрыты подробными записями, различными ярлыками и вычерченными стрелами, но на таблицах справа записи быстро редели, а на последних было лишь несколько карандашных набросков, означавших важнейшие экологические коридоры. Многие из таблиц потеряли свои скрепления со стеной и неопытно свисали вперед и вниз, как плиты обшивки покинутого корабля. Некоторые собрались в беспорядочную грудку у стены и были покрыты краткими и бессмысленными надписями.

Бесцельно поглаживая циферблат большого компаса пальцами, Керанс ждал, пока Бодкин объяснит ему свой эксперимент с Хардманом. Но Бодкин удобно уселся у своего стола, посмотрел на беспорядочную грудку папок и каталожных ящичков на нем, затем открыл проигрыватель и достал из него диск, осторожно поворачивая его в руках.

Керанс начал:

– Должен извиниться за свой промах. Не следовало говорить об отъезде через три дня. Я не понял, что вы это держите в тайне от Хардмана.

Бодкин пожал плечами, считая, видимо, это происшествие не заслуживающим внимания.

– Положение сложное, Роберт. Сделав несколько шагов к разгадке, я не хотел никаких помех.

– Но почему бы и не сказать ему? – настаивал Керанс, косвенно надеясь освободиться от чувства вины. – Возможно, перспектива близкого отъезда как раз и выведет его из летаргии.

Бодкин опустил очки на самый кончик носа и насмешливо поглядел на Керанса.

– Кажется, для вас эта новость не имела такого эффекта, Роберт. Если я не ошибаюсь, вы выглядите далеко не радостным. Почему же реакция Хардмана должна быть другой?

Керанс улыбнулся.

– Тише, Алан. Я не хочу вмешиваться, полностью предоставив Хардмана вам, но что это вы задумали, для чего этот электрический камин и будильники?

Бодкин поставил пластинку на небольшой стеллаж за собой, где находилось еще множество таких же дисков. Он повернулся к Керансу и некоторое время глядел на него своим кротким, но пронизательным взглядом, как ранее смотрел на Хардмана, и Керанс понял, что их отношения теперь не просто взаимоотношения коллег, но и отношения наблюдателя и объекта наблюдений. После паузы Бодкин отвернулся к таблицам, и Керанс невольно улыбнулся. Он сказал себе:

– Проклятый старик, теперь он занес меня в свои схемы наряду с морскими водорослями и моллюсками, в следующий раз он испытает свой проигрыватель на мне.

Бодкин встал и указал на три ряда лабораторных столов, уставленных банками с образцами; к крышке каждой банки был прикреплен ярлык.

– Скажите мне, Роберт, если бы вам предложили суммировать результаты ваших наблюдений за последние три года, как бы вы это сделали?

Некоторое время Керанс колебался, затем небрежно взмахнул рукой.

– Это не слишком трудно. – Он видел, что Бодкин ожидает серьезного ответа, и собрался с мыслями. – Что ж, можно коротко сказать, что под влиянием повышения температуры, влажности и уровня радиации флора и фауна планеты начали возвращаться к тем формам, которые были распространены на Земле при таких же условиях, иначе говоря – в триасовую эру.

– Верно. – Бодкин начал прохаживаться между скамей. – На протяжении последних трех лет мы с вами, Роберт, осмотрели не менее пяти тысяч образцов животных и буквально десятки тысяч новых разновидностей растений. Везде мы наблюдали одно и то же: бесчисленные мутации направлены на то, чтобы организмы выжили в изменившихся условиях. Повсюду мы наблюдали лавинообразное возвращение в прошлое – настолько массовое, что немногие

сложные организмы, сохранившиеся на прежнем уровне развития, выглядят странным отклонением от нормы: это немногие земноводные, птицы и – человек. Любопытно, что подробно каталогизируя возвращение в прошлое у многочисленных растений и животных, мы игнорировали наиболее важный организм планеты.

Керанс засмеялся.

– Преклоняюсь перед вами. Алан. Но что ж, вы предполагаете, что Хардман превращается в кроманьонца, яванского человека или даже синантропа? Вряд ли, конечно. Не будет ли это простой противоположностью ламаркизма?

– Согласен. Этого я не предполагаю. – Бодкин наклонился над одним из столов, набрал полную горсть арахиса и бросил маленькой обезьянке, сидевшей в клетке неподалеку. – Хотя очевидно, через две или три сотни миллионов лет homo sapiens вымрет и наша маленькая кухня останется высшей формой жизни на планете. Однако биологический процесс развивается не прямо. – Он извлек из кармана носовой платок и протянул его обезьянке, которая вздрогнула и отскочила. – Если мы вернемся в джунгли, мы превратимся в обед для кого-нибудь.

Он подошел к окну и выглянул сквозь густую проволочную сеть, которая пропускала лишь узкий луч яркого солнечного света. Погруженная в жару, лагуна была неподвижной, завесы пара вздымались над водой, как гигантские привидения.

– В действительности я думаю совсем о другом. Разве меняется только внешность? Как часто многим из нас казалось, что все это мы уже видели когда-то, что мы каким-то образом помним эти болота и лагуны? Однако наше сознание и подсознание хранят эти воспоминания избирательно, большинство из них – это воспоминания об опасности и ужасе. Ничто не сохраняется так долго, как страх. Где-то в глубинах организма имеются древние, миллионного возраста механизмы, которые спали на протяжении тысяч поколений, но сохранили свои возможности нетронутыми. Классический пример такого механизма – отношение полевой мыши к силуэту ястреба. Даже вырезанный из бумаги силуэт ястреба, поднесенный к клетке, заставляет мышь в панике искать спасения. А как иначе можно объяснить всеобщее, но совершенно беспричинное отвращение к паукам, лишь один, сравнительно редкий вид которых теперь опасен для человека? Или не менее удивительную – из-за их сравнительной редкости – ненависть к змеям и ящерицам?

Просто все мы в глубине носим память о тех временах, когда огромные пауки были смертельно опасны, когда ящеры были господствующей формой жизни на планете.

Ощущая тяжесть медного компаса в кармане, Керанс сказал:

– Значит, вы опасаетесь, что увеличение температуры и радиации разбудит эти механизмы в нашем сознании?

– Не в сознании, Роберт. Существуют старейшие воспоминания на Земле, закрепленные в каждой хромосоме и в каждом гене. Каждый шаг, сделанный нами по пути эволюции, – вежа, закрепленная в органической памяти – от ферментов, контролирующих углеродно-кислородный цикл, до сплетения нервов спинного мозга и миллиардов клеток головного мозга – везде записаны тысячи решений, принятых в периоды внезапных физико-химических кризисов. Как психоанализ врачует психические травмы, перенесенные человеком в детстве, так и мы теперь заглядываем в археопсихическое прошлое, открывая древнейшие табу, спавшие целые эпохи. Краткий период индивидуальной жизни не может ввести нас в заблуждение. Каждый из нас так же стар, как весь животный мир, а наши кровеносные сосуды – притоки огромного моря всеобщей памяти. Одиссея зародыша в утробе матери воспроизводит всеобщее эволюционное прошлое, а его центральная нервная система – это заполненная временная шкала, где каждый позвонок представляет собой символическую остановку.

Чем ниже по уровням центральной нервной системы будем мы спускаться – от головного мозга через спинной к костному, – тем дальше будем отступать в прошлое. Например, узел

между грудной клеткой и поясничным позвонком – между Т-12 и Л-1 – есть великая переходная зона между рыбами, дышащими жабрами, и земноводными, дышащими легкими, по времени примерно соответствующая тому, что мы наблюдаем теперь на берегах лагуны – между палеозойской и триасовой эрой.

Бодкин вернулся к своему столу и провел рукой по ряду записей. Слушая спокойный неторопливый голос Бодкина, Керанс подумал, что ряд черных дисков напоминает модель спинного мозга. Он вспомнил слабый звук барабана, воспроизведенный проигрывателем в каюте Хардмана, и странные ощущения, которые вызывал этот звук.

Бодкин продолжал:

– Если хотите, можете назвать это психологией всеобщего эквивалента, а для краткости – невроникой, или отбросить как метабиологическую фантазию. Однако я убежден, что по мере того, как мы возвращаемся в геофизическое прошлое Земли, мы возвращаемся назад и в подсознании, переходя от одной геологической эпохи к другой, с ее особой флорой и фауной, как путешественник на машине времени Уэллса. Но это не внешнее изменение, а всеобщая переориентация личности. Если мы позволим этим признакам подсознания овладеть нами, они безжалостно потопят нас, как грузила. – Он выбрал один из дисков, затем с неуверенностью отложил его в сторону. – Сегодня в эксперименте с Хардманом я пошел на риск, используя камин для того, чтобы поднять температуру до 120 градусов, но опыт не удался. В течение трех недель он как будто сопротивлялся своим кошмарам, но в последние несколько дней смирился с ними и позволил им увлекать себя в прошлое без всякого контроля со стороны сознания. Для его собственной пользы я хотел бы, чтоб он больше бодрствовал, – для этого и нужны будильники.

– Если он позаботится завести их, – спокойно заметил Керанс.

Снаружи, в лагуне, слышались звуки катера Риггса. Подойдя к окну, Керанс увидел, как катер по уменьшающейся дуге приближается к базе. Когда катер причалил, Риггс некоторое время о чем-то совещался с Макреди. Несколько раз он указывал своей дубинкой на испытательную станцию, и Керанс был уверен, что они готовятся к буксировке станции. Однако он оставался неподвижным. Рассуждения Бодкина и его новая психология – невроника – дали очень ясное объяснение переменам, происходившим в его сознании. Молчаливое признание директором Объединенных Наций того факта, что в пределах нового периметра, описанного Арктическим и Антарктическим кругами, жизнь будет продолжаться, как раньше, с прежними социальными и семейными отношениями, было явно ошибочным, и эта ошибочность становилась все яснее по мере того, как повышение уровня воды и температуры заставляло сдаваться один за другим полярные редуты. Чем картографировать новые заливы и лагуны, следовало выполнять более важную задачу – исследовать новую психологию человечества.

– Алан, – бросил он через плечо, все еще глядя на жестикулирующего на пристани Риггса, – почему вы не шлете доклад в Берд, я думаю, их следует поставить в известность? Всегда существует шанс, что...

Но Бодкин уже вышел. Керанс слышал, как его шаги слабо отдавались на лестнице и прекратились в каюте, усталые шаги человека слишком старого и слишком опытного, чтобы заботиться о чем-нибудь, что прямо его не касается.

Керанс подошел к своему столу и сел. Он извлек из кармана компас и положил его перед собой. Вокруг слышались приглушенные звуки лабораторной жизни – бормотание обезьянок, шелест шагов.

Керанс неторопливо осматривал компас, слегка поворачивая шкалу, затем выровнял стрелку. Он пытался понять, зачем взял компас из арсенала. Обычно компас был укреплен на одной из моторных лодок, и его отсутствие скоро будет обнаружено, а затем Керансу придется испытать унижение, признаваясь в краже прибора.

Продолжая задумчиво разглядывать компас, он увидел, что колеблющаяся стрелка неизменно останавливается на точке «Юг», и эта надпись действовала на Керанса с волшебной силой, как опьяняющие пары из какой-то чудесной чаши.

4. Солнечные мостовые

На следующий день по причинам, которые Керанс полностью осознал много позже, исчез лейтенант Хардман.

После глубокого ночного сна Керанс встал рано и позавтракал около семи утра. Затем он провел около часа, откинувшись на балконе в удобном пляжном кресле и подставив свое стройное бронзовое тело лучам утреннего солнца, заливающего темную поверхность воды. Небо над головой было ярким и крапчатым, черная чаша лагуны по контрасту казалась необычно глубокой и неподвижной, как огромный колодец, полный янтаря. Поросшие растениями здания, возвышавшиеся по краям лагуны, казались необыкновенно древними, вырвавшимися из темных глубин благодаря какой-то страшной природной катастрофе, забальзамированными на огромные промежутки времени, пролетевшие с момента их появления.

Перестав поворачивать в пальцах медный компас, сверкавший в полутьме комнаты, Керанс прошел в спальню и надел тренировочный костюм цвета хаки, сделав тем самым некоторую уступку приготовлениям Риггса к отъезду. Он только вызвал бы подозрения Риггса, если бы стал прогуливаться в пляжном ансамбле, украшенном эмблемой отеля «Риц».

Хотя он и соглашался с возможностью остаться здесь после ухода отряда, Керанс чувствовал себя неспособным к каким-либо систематическим предосторожностям. Кроме запасов горючего и пищи, которые за последние шесть месяцев полностью зависели от щедрости полковника Риггса, он нуждался в бесчисленном количестве различных вещей и деталей оборудования, начиная от умывальника и кончая проводкой для электроосвещения в комнатах. Как только база с ее складами исчезнет, он вскоре будет окружен нарастающим количеством мелких неприятностей, и поблизости не будет техников, готовых устранить их.

Для удобства работников склада и для того, чтобы избавить себя от необходимых путешествий на базу и обратно, Керанс держал месячный запас консервированных продуктов у себя в отеле. Они в основном представляли собой стуженное молоко и сушеное мясо, фактически несъедобное без добавки деликатесов, хранившихся в глубоком холоде у Беатрис. У нее был вместительный ящик с паштетом, филе миньон и другими деликатесами, но и их хватило бы только на три месяца. После этого им придется ограничить свое меню супом из водорослей и мясом.

Топливо составило более серьезную проблему. Резервуары «Рица» содержали немного более 500 галлонов, этого было достаточно для работы кондиционеров в течение нескольких месяцев. Отказавшись от нескольких комнат, перестав использовать моторную лодку и подняв среднюю температуру в помещениях до 90 градусов, он мог вдвое увеличить этот срок, но когда запасы горючего окончательно иссякнут, шансы восстановить их будут ничтожными. Все резервуары и тайники в заброшенных зданиях вокруг лагун были давно уже опустошены волной беженцев, в течение тридцати лет перебивавшихся к северу на моторных лодках и кораблях. На катамаране находился резервуар с тремя галлонами, этого было достаточно для тридцатимильного путешествия или для того, чтобы ежедневно ездить к Беатрис в течение месяца.

Однако, по каким-то причинам, эта робинзонада наоборот – добровольное пребывание в необитаемом районе без помощи корабля, полного запасов и инструментов и потерпевшего крушение на рифах, – мало беспокоила Керанса. Покидая отель, он, как обычно, оставил термометр на уровне 80 градусов, хотя и сознавал, что топливо будет тратиться впустую; он не хотел даже минимально принимать во внимание опасности, которые будут подстерегать после ухода Риггса. Вначале он решил, что это означает уверенность в том, что здравый смысл все равно победит, однако позже, гребя по спокойной маслянистой поверхности к выходу в следующую лагуну, он сообразил, что это его равнодушие также является следствием решения остаться. Используя символический язык схемы Бодкина, можно было сказать, что он отка-

зывается от тех необходимых условий жизни, которые выработало время цивилизации, погружаясь в прошлое, в необозримые дали времен, где каждый временной промежуток означает целую геологическую эпоху. Здесь минимальным промежутком времени становится миллион лет, и пробелы пищи и одежды столь же неуместны, как для буддиста, погружившегося в созерцание лотоса перед чашкой риса под покровом миллионоглавой кобры вечности.

Войдя в третью лагуну и отводя веслом десятифутовые стреловидные листья хвошей, преграждавшие ему путь, Керанс без особого волнения заметил, что отряд под руководством сержанта Макреди поднял якорь испытательной станции и медленно буксирует ее к базе. Промежуток между корпусами сокращался, как занавес, задерживающийся после окончания представления, а Керанс спокойно смотрел на это, стоя на корме своего катамарана, – наблюдатель из-за кулис, чья роль в этом представлении, сама по себе незначительная, теперь совершенно окончилась.

Чтобы не привлечь внимания звуками мотора, он укрылся под навесом гигантских листьев папоротника и медленно греб вдоль периметра лагуны к отелю Беатрис. Внезапно взревел мотор вертолета, будто натолкнувшись на препятствие, волны, поднятые корпусом станции, достигли катамарана и принялись шлепать в его правый борт. Крейсер Беатрис жалобно заскрипел на своих швартовых. Его штурманская рубка была наполовину затоплена, а корма под тяжестью двух больших дизелей «Крайслера» опустилась до уровня воды. Раньше или позже один из тепловых порывов сорвет крейсер с якоря и отправит его на глубину в 50 футов, на одну из затопленных улиц.

Когда он вышел из лифта, дворик вокруг бассейна был пуст, пустые стаканы, оставшиеся от предыдущего вечера, стояли на подносе между опрокинутых кресел. Солнце начало освещать помещение, стали видны желтые морские коньки и голубые трезубцы, выложенные на полу. Несколько летучих мышей висели в тени водосточного желоба над окном спальни Беатрис, но когда Керанс подошел, они улетели, как вампиры, улетающие при свете дня.

Через стекло Керанс уловил движение Беатрис, через пять минут она вышла во дворик, закутавшись в большое черное полотенце. Частично ее скрывала тень в дальнем конце дворика, она казалась усталой и удрученной. Беатрис приветствовала Керанса взмахом руки. Опираясь локтями о бар, она приготовила себе напиток, посмотрела слепо на одну из картин Дельво и вернулась в спальню.

Поскольку она не торопилась выйти вновь, Керанс отправился на поиски. Толкнув стеклянную дверь, он почувствовал, как ему в лицо ударила волна горячего воздуха. Очевидно, как это уже случалось несколько раз за последние месяцы, испортился термостат, температура немедленно начала повышаться, чем частично объяснялась летаргия и апатия Беатрис.

Когда Керанс вошел, она сидела на кровати, держа бокал с виски на коленях. Жаркий воздух комнаты напомнил Керансу каюту Хардмана во время эксперимента, проводившегося Бодкиным над пилотом. Керанс подошел к термостату и передвинул стрелку с 70 до 60 градусов.

– Он вновь вышел из строя, – равнодушно сказала Беатрис. – Генератор не работает.

Керанс попытался отобрать у нее стакан с виски, но она отвела его руку.

– Оставьте меня, Роберт, – сказала она усталым голосом. – Да, я неряшливая пьяная женщина, но последнюю ночь я провела в марсианских джунглях, и у меня нет сил выслушивать лекцию.

Керанс внимательно посмотрел на нее, улыбнувшись болезненной и отчаянной улыбкой:

– Посмотрю, нельзя ли починить мотор. Спальня пахнет так, будто вы ночевали с целым батальоном солдат. Примите душ, Беа, и постарайтесь взять себя в руки. Риггс уходит завтра, и мы должны кое о чем позаботиться. Что за кошмары вас преследуют?

Беатрис пожала плечами:

– Джунгли, Роберт, – неопределенно бормотала она. – Вновь изучаю азбуку. Этой ночью я была в джунглях на берегу реки. – Она слабо улыбнулась ему, затем добавила с оттенком зловещего юмора: – Не глядите так строго, скоро и у вас будут такие же сны.

– Надеюсь, нет. – Керанс с неприязнью смотрел, как она подносит стакан к губам. – Уберите питье. Может, виски на завтрак и древний шотландский обычай, но это самоубийство.

Беатрис отмахнулась:

– Знаю. Алкоголь убивает медленно, но и я ведь не тороплюсь. Идите, Роберт.

Керанс встал и отправился по лестнице в кухню этажом ниже, там он отыскал факел и ящик с инструментами и начал ремонтировать генератор.

Полчаса спустя, когда он вернулся во дворик, Беатрис уже наполовину очнулась от апатии и тщательно красила ногти синим лаком.

– Привет, Роберт, у вас теперь настроение лучше?

Керанс уселся на кафельный пол, стирая последние остатки смазки с рук. Он шутливо стукнул Беатрис по ноге и проворно увернулся от ее пятки.

– Я исправил генератор, к счастью, поломка была незначительной, и теперь у вас не будет беспокойств.

Он хотел еще что-то сказать, но тут со стороны лагуны послышался громогласный оклик. Со стороны базы доносились звуки внезапного чрезвычайного оживления: скрежетали запускаемые моторы, визжали шлюпбалки под тяжестью двух запасных моторных лодок, опускаемых в воду, слышались многочисленные возгласы и топот ног.

Керанс встал и подошел к перилам на краю бассейна:

– Неужели они решили уйти сегодня? Может, Риггс решил застать нас врасплох?

Стоя рядом с Беатрис, по-прежнему кутавшейся в полотенце, он смотрел на базу. Кажется, были мобилизованы по тревоге все члены отряда, катер и две моторные лодки готовились к отплытию у причала. Медленно вращались лопасти винта вертолета, в который садились Риггс и Макреди. Остальные выстроились на причале, ожидая своей очереди садиться в корабли. Даже Бодкина вытащили из его каюты, он, с голой грудью, стоял у борта испытательной станции и что-то кричал Риггсу.

Вдруг Макреди заметил Керанса у балконных перил. Он сказал что-то Риггсу, тот схватил электрический мегафон и подошел к краю крыши.

– КЕ-РАНС! ДОК-ТОР КЕ-РАНС!!!

Обрывки громогласных фраз катились по крышам, отдаваясь эхом в разбитых окнах. Керанс приставил руки к ушам, стараясь понять, что кричит Риггс, но все поглотил рев мотора вертолета. Риггс и Макреди забрались в кабину, и пилот начал передавать Керансу сигналы через ветровое стекло кабины.

Керанс прочел сообщение, переданное азбукой Морзе, отошел от перил и быстро направился к своей лодке.

– Они подберут меня здесь, – сказал он Беатрис. А вертолет в это время взлетел и по диагонали начал пересекать лагуну. – Лучше оденьтесь. Ветер от винта сорвет с вас это полотенце, как папиросную бумагу. Риггс будет очень торопиться.

Беатрис помогла ему свернуть навес над двориком и ушла в комнаты, когда мелькающие тени от винта вертолета заполнили дворик. Уходя, она бросила через плечо:

– Но что случилось, Роберт? Почему Риггс так возбужден?

Керанс, прикрывая уши от рева и всматриваясь в зеленую лагуну, почувствовал, как внезапный спазм беспокойства искривил углы его рта.

– Он не возбужден, он просто встревожен. Вокруг него все начинает рушиться. Исчез лейтенант Хардман.

Джунгли, как огромная разлагающаяся язва, простирались за открытым люком вертолета. Гигантские роци водорослей поднимались с крыш затонувших зданий, густо покры-

вая белые прямоугольники. Тут и там из болота выступали остатки старых крепостных стен, воздвигавшихся, чтобы остановить напор воды; временные причалы все еще плавали у полуразрушенных зданий контор и учреждений, покрытые акациями и цветущими тамарисками. Узкие проливы, которые перебросившаяся с одного берега на другой растительность превратила в тоннели, шириной шесть сотен ярдов каждый, вели из больших центральных лагун. Эти каналы обозначали прежние границы пригородов. Везде были потоки ила, накапливавшегося у железнодорожных насыпей или у полукругов официальных зданий и просачивавшегося сквозь затонувшие арки, как из гигантской клоаки. Большинство маленьких озер уже заполнилось илом, желтые диски плесени и грибов покрывали поверхность тины, а поверх плесени вздымалась изобильная поросль конкурирующих растений – обнесенный стеной сад безумного рая. ...Крепко привязанный к стене вертолета нейлоновым шнуром, охватывавшим его талию и плечи, Керанс смотрел вниз, на разворачивающийся ландшафт, следуя по водным путям, шедшим из центральной лагуны. Пятью сотнями футов ниже тень вертолета скользила по пестрой зеленой поверхности воды, и он сосредоточил внимание на местности рядом с тенью. Потрясающее изобилие животной жизни заполняло протоки и каналы: водяные змеи скользили среди погруженных в воду бамбуковых стволов, колонии летучих мышей вылетали из зеленых тоннелей, как переносимые ветром облака сажи, в темных углах неподвижно, как каменные сфинксы, сидели игуаны. Часто, как бы потревоженная шумом вертолета, виднелась человеческая фигура среди полузатопленных окон, но затем оказывалось, что это крокодил, ожидающий добычу, или один конец затонувшего ствола, высывающийся из рожи папоротников.

На расстоянии двадцати миль горизонт все еще был закрыт утренним туманом, огромные завесы золотого пара свешивались с неба, как полупрозрачное покрывало, но воздух над городом был чистым и ясным, выхлопные газы вертолета на расстоянии превращались в странную волнистую подпись. По мере того как они удалялись от центральной лагуны по спирали, Керанс перестал смотреть вниз и загляделся на эту загадочную надпись, оставленную вертолетом.

Шансы обнаружить Хардмана с воздуха были ничтожно малы. Если только он не спрятался в одном из зданий рядом с базой, он мог избрать любой из водных путей, а там имелся максимум возможностей спрятаться от наблюдений с воздуха под огромным папоротником.

В кормовом люке продолжали свою вахту Риггс и Макреди, направляя туда и сюда пару биноклей. Без своей фуражки, с тонкими песчаного цвета волосами, развевающимися вокруг лица, Риггс выглядел, как взъерошенный рассерженный воробей, раскрытым ртом он ловил набегающий воздух.

Он заметил, что Керанс смотрит в небо, и крикнул:

– Ищите его, доктор! Не теряйте зря времени, секрет успешных поисков в концентрации внимания.

Получив замечание, Керанс вновь принялся вглядываться в наклонный диск джунглей внизу, высокие башни центральной лагуны вращались вокруг люка. Исчезновение Хардмана было обнаружено служителем лазарета в восемь часов утра, но постель его была холодна и покинута, несомненно, вечером, вероятно, вскоре после вечернего осмотра в девять тридцать. Ни одна из маленьких лодок, причаленных у базы, не исчезла, но Хардман легко мог связать вместе несколько пустых бочек от горючего, нагроможденных кучей на палубе С, и тихо спустить их в воду. Такой плот, хотя и грубый, легко плавал и мог до рассвета унести его за десять миль, таким образом район поисков составлял около 75 квадратных миль, каждый акр которых был покрыт полузатонувшими зданиями.

Так как он не смог поговорить с Бодкиным перед тем, как его приняли на борт самолета, Керанс мог лишь догадываться о причинах, заставивших Хардмана оставить базу. Он не знал, была ли это часть ранее готовившегося плана или поступок Хардмана был ответом на внезапное сообщение о том, что отряд через два дня уходит. Первоначальное возбуждение Керанса исчезло, он испытывал странное чувство облегчения, как будто одна из цепей, связывавших

его, порвалась с исчезновением Хардмана. Однако теперь оставаться после ухода отряда будет еще труднее.

Освободившись от привязи, Риггс встал с жестом раздражения и протянул бинокль одному из солдат, скорчившихся на полу в тылу кабины.

– Открытый поиск на территории такого типа – напрасная трата времени, – крикнул он Керансу. – Мы приземлимся где-нибудь и внимательно изучим карту, а вы поможете нам своим знанием психологии Хардмана.

Они были в десяти милях к северо-западу от центральной лагуны, башни которой по-прежнему возвышались сквозь туман на горизонте. В пяти милях от них, непосредственно между ними и базой, находилась одна из моторных лодок, курсировавшая по открытому каналу, за ней вился белый след, рассекавший поверхность воды. В эту область проникло сравнительно мало ила, так как путь ему преграждали многочисленные здания юга города, растительность тут была реже и среди зданий виднелось много участков открытой воды. Тем не менее зона под ними была пустой и ненаселенной, и Керанс почувствовал, хотя никаких реальных доказательств у него не было, что Хардмана в этом северо-западном секторе они не найдут.

Риггс взобрался в кабину летчика, и через мгновение скорость и направление полета изменились. Они начали пологий спуск, пока не оказались в ста футах от воды и понеслись над нею в поисках подходящей для посадки крыши. В конце концов они обнаружили полузатонувшее здание кинотеатра и медленно опустились на квадратную крышу над неоассирийским портиком.

Несколько минут они разминали ноги, вглядываясь в поверхность сине-зеленой воды. Ближайшим строением от них было изолированное правительственное здание в двухстах ярдах, и открытая перспектива напоминала Керансу Геродотово описание Египта во время наводнения, с его окруженными валами городами, подобными островам Эгейского моря.

Риггс развернул свою карту и расстелил ее на полу у входа в кабину. Локтем упираясь в край люка, он указал пальцем их теперешнюю позицию.

– Что ж, сержант, – сказал он Дейли, – мы, кажется, на полпути к Берд. Но ничего не достигли, только порядком перенапрягли двигатель.

Дейли кивнул, его небольшое серьезное лицо под фиберглассовым щитом шлема оставалось спокойным:

– Сэр, я думаю, единственный шанс для нас – тщательно осмотреть несколько избранных направлений. Тогда есть надежда, что мы что-то обнаружим – плот или масляное пятно.

– Согласен. Но проблема заключается в том, – Риггс стукнул по карте своей дубинкой, – где искать. Хардман, вероятно, не более чем в двух-трех милях от базы. Как вы считаете, доктор?

Керанс пожал плечами.

– Я не знаю, что двигало Хардманом, полковник. Он полностью находился на попечении Бодкина. Возможно...

Он замолчал, и Дейли прервал его другим предположением, привлечшим внимание Риггса. Следующие пять минут полковник, Дейли и Макреди оживленно обсуждали возможное направление, избранное Хардманом, принимая во внимание только широкие открытые водные пути, как будто Хардман плыл на небольшом военном корабле. Керанс смотрел на воду, кружившуюся в водовороте вокруг кинотеатра. Несколько ветвей и клубков водорослей проплыли, подгоняемые течением с севера, яркое солнце освещало расплавленную поверхность воды. Волны били в портик под его ногами, медленно бились в его мозг, постепенно погружая его в равнодушное созерцание. Он следил, как небольшие волны безуспешно пытаются взобраться на крышу, и хотел расстаться с полковником и направиться прямо вниз, под воду, раствориться в своих бредовых видениях, которые сопровождают его, подобно птицам, погружаться в светящуюся, темно-зеленую, извивающуюся воду моря.

Внезапно без тени сомнения он понял, где следует искать Хардмана.

Он подождал, пока Дейли кончит: – ...я знаю лейтенанта Хардмана, сэр, пролетал с ним около пяти тысяч часов, у него случались припадки душевного смятения. Он хотел вернуться в Берд и не смог ждать даже двух дней. Он направился на север и сейчас отдыхает где-нибудь в открытом канале недалеко от города.

Риггс с сомнением кивнул, не убежденный, но готовый принять совет сержанта, за неимением другого.

– Может, вы и правы. Можно попытаться. А как вы считаете, Керанс?

Керанс покачал головой.

– Полковник, искать к северу от города – напрасная трата времени. Хардмана тут нет, здесь слишком открытое и изолированное место. Я не знаю, пошел ли он пешком или поплыл на плоту, но он определенно направился не на север: Берд – последнее место на Земле, где бы он хотел оказаться. Есть лишь одно направление, в котором следует искать Хардмана, – юг. – Керанс указал на соединение нескольких каналов, ведущих из центральной лагуны. Там, в трех милях к югу, начинался за горами ила большой водный поток. – Хардман где-то там. Вероятно, поиски главного канала заняли у него всю ночь, и я уверен, что сейчас он отдыхает в одном из небольших заливов, прежде чем двинуться дальше ночью.

Он замолчал, и Риггс уставился на карту, с сосредоточенным видом надвинув на глаза свою фуражку.

– Но почему юг? – протестовал Дейли. – Ведь за этим каналом нет ничего, кроме сплошных джунглей и открытого моря. Температура все время повышается – он просто поджарится.

Риггс посмотрел на Керанса:

– Сержант Дейли прав, доктор. Зачем Хардману направляться на юг?

Вновь глядя на воду, Керанс ровным голосом ответил:

– Полковник, любое другое направление исключено.

Полковник задумался, затем взглянул на Макреди, подошедшего к Керансу; высокая сутулая фигура сержанта, подобно ворону, возвышалась над водой. Он незаметно кивнул Риггсу, отвечая на невысказанный вопрос. Даже Дейли сделал шаг к кабине вертолета, как бы признавая правоту Керанса, считая, что только Керанс может понять причины поступков Хардмана.

Через три минуты вертолет на полной скорости летел к южным лагунам.

Как и предсказал Керанс, они нашли Хардмана среди илистых отмелей на юге.

Опустившись до трехсот футов над водой, они принялись тщательно осматривать участок большого канала в пять миль длиной. Огромные груды ила поднимались над поверхностью, как спины гигантских кашалотов. Там, где гидродинамические очертания канала придавали илистым берегам устойчивость, джунгли спрыгивали с крыш и укоренялись в грязи, превращая подвижный ил в неподвижную почву. Из люка Керанс осматривал узкие берега под покровом папоротников, отыскивая признаки замаскированного плота или самодельной хижины.

Через двадцать минут, однако, Риггс с унылым видом отвернулся от люка.

– Возможно, вы правы, Роберт, но это безнадежное занятие. Хардман не дурак, если он захочет спрятаться, мы никогда не найдем его. Даже если он высунется из окна и станет махать нам, десять к одному, что мы его не заметим.

Керанс что-то пробормотал в ответ, глядя на поверхность внизу. Он смотрел на полукруглое здание, стоявшее на углу главного канала и небольшого протока, скрывавшегося в джунглях. Верхние восемь или девять этажей этого здания возвышались над водой, окруженные низкой насыпью грязно-коричневого ила. Поверхность ила покрывала множество мелких луж. Два часа назад отмель представляла собой широкую полосу влажной грязи, но в десять часов, когда над ней пролетел вертолет, грязь начала высыхать и затвердевать. Керансу, прикрывавшему глаза от яркого света, показалось, что на поверхности отмели тянутся на рассто-

янии в шесть футов друг от друга две полосы, направляясь к балкону полукруглого здания. Когда они подлетели ближе, он постарался заглянуть под бетонную плиту балкона, но она была закрыта мусором и гниющими стволами растений.

Он притронулся к руке Риггса и указал ему на полосы, так занятый их созерцанием, что не заметил между ними отчетливые следы, несомненно принадлежащие высокому сильному человеку, который тянул за собой тяжелый груз.

Когда гул вертолета замер на крыше над ними, Риггс и Макреди наклонились и начали осматривать грубый катамаран, спрятанный среди мусора под балконом. Он был изготовлен из двух пустых бочек, привязанных к углам рамы от кровати. Двойной корпус катамарана был покрыт влажным илом. Следы ног Хардмана вели от катамарана к балкону и скрывались в коридоре.

– Это, несомненно, он. Согласны, сержант? – сказал Риггс, выступая вперед, на солнечный свет, и рассматривая полукруглое здание. На самом деле это был целый комплекс зданий, связанных между собой переходами и лестницами. Большинство окон было разбито, облицовка от кафельных плит кремового цвета покрыта плесенью, и весь комплекс выглядел как кусок перезрелого камамбера.

Макреди наклонился над одной из бочек, расчистил от грязи и прочел кодовое обозначение: – 22-N-549 – это наш номер, сэр. Бочки опустошены вчера, мы нагромодили их на палубе С. А раму он прихватил в лазарете после вечернего осмотра.

– Отлично. – Потирая руки с видом удовлетворения, Риггс подошел к Керансу, самоуверенно улыбнулся. Его самоуверенность и хорошее настроение полностью восстановились. – Отлично, Роберт. Верх диагностического мастерства, вы, конечно, были совершенно правы. – Он пронизательно взглянул на Керанса, как бы размышляя над источниками осведомленности доктора. – Не унывайте, Хардман поблагодарит вас, когда мы отыщем его.

Керанс стоял на краю балкона, под ним находился склон высыхающего ила. Он смотрел на молчащую дугу окон, размышляя, в какой из тысяч комнат нашел себе убежище Хардман.

– Надеюсь, вы правы. Но надо еще отыскать его.

– Не волнуйтесь, отыщем. – Риггс начал кричать двум солдатам, помогавшим Дейли привязывать на крыше вертолет: Уилсон, займитесь поисками в юго-западном углу; Колдуэлл, вы направитесь на север. Будьте внимательны, он может попробовать улизнуть.

Двое отсалютовали и двинулись, держа наготове карабины. Макреди взял в руки ружье Томпсона, а Риггс расстегнул кобуру своего пистолета. Керанс спокойно сказал:

– Полковник, мы ведь выслеживаем не дикую собаку.

Риггс отмахнулся.

– Спокойно, Роберт, просто я не хочу, чтобы мне откусил ногу крокодил. К тому же, если хотите знать, – тут он послал Керансу ослепительную улыбку, – Хардман прихватил с собой кольт-45.

Оставив Керанса переваривать это сообщение, он поднес к губам электрический мегафон.

– ХАРДМАН!! ЗДЕСЬ ПОЛКОВНИК РИГГС!! – он бросил имя Хардмана в молчащий зной и, взглянув на Керанса, добавил: – ДОКТОР КЕРАНС ХОЧЕТ ПОВОРОДИТЬ С ВАМИ, ЛЕЙТЕНАНТ!!

Сфокусированные полукругом зданий, его слова эхом полетели над болотами и протоками, отдаваясь вдали. Вокруг них все сверкало в невыносимом зное, и люди на крыше мучились под своими форменными фуражками. Тяжелое зловоние поднималось от полей ила, корона из миллионов насекомых пульсировала и голодно жужжала над ними, внезапный позыв тошноты ударил Керанса в пищевод, на мгновение вызвав у него головокружение. Сжав голову, он прислонился к столбу, слушая, как вокруг откликается эхо. В четырехстах ярдах из растительности выступали две башни с белыми циферблатами часов, и звуки его имени – Керанс...

Керанс... Керанс... отразившиеся от башен, казались Керансу криками ужаса и отчаяния, бессмысленное расположение часовых стрелок заинтересовало его больше, чем все окружающее.

Его имя еще слабо отдавалось эхом в ушах Керанса, когда они начали осмотр здания. Он занял свою позицию в центре каждого коридора и лестницы, в то время как Риггс и Макреди осматривали прилегающие помещения, сохраняя бдительность и настороженность, по мере того как они двигались среди разбитых кафельных инкрустаций, осторожно перебираясь от одной анкерной балки к другой. Большая часть штукатурки отстала от стен и лежала серыми кучами вдоль плинтусов. Там, где проникало солнце, стенная дранка была покрыта вьющимися растениями или мхом, и истинная структура здания, казалось, поддерживалась изобилием растительности, рвущейся через каждый коридор и каждую комнату.

Через щели пола поднимался запах грязной воды, проникавшей через разбитые нижние окна. Потревоженные впервые за много лет, летучие мыши срывались с наклонившихся перил и в панике летели к окнам, с криками испуга и боли исчезая в бриллиантовом сиянии солнца. Ящерицы скользили сквозь щели в полу и ползали по сухим бассейнам и ваннам.

Обостренное жарой, нетерпение Риггса все возрастало по мере того, как они взбирались выше и ничего не обнаруживали. И вот они уже под крышей.

– Ну, где же он? – Риггс, прислонившись к перилам, жестом разрешил всем отдохнуть и вслушался в молчание здания, тяжело дыша сквозь зубы. – Отдых в течение пяти минут, сержант. Будьте внимательны. Он где-то поблизости.

Макреди повесил ружье Томпсона через плечо и взобрался на следующую лестничную площадку, где был слабый ветерок. Керанс прислонился к стене, пот стекал у него по спине и по шее, в висках глухо стучало от напряжения. Было одиннадцать тридцать, температура снаружи достигала 120 градусов. Керанс смотрел на сверкающее розовое лицо Риггса, восхищаясь самообладанием и выдержкой полковника.

– Не смотрите так снисходительно, Роберт. Я знаю, что потею как свинья, но я гораздо меньше вас отдыхал сегодня.

Они с вызовом глядели друг на друга, каждый опасаясь конфликта, и Керанс, стараясь смягчить напряженность, спокойно сказал:

– Теперь мы его обязательно найдем, полковник.

В поисках сиденья он немного спустился по коридору и открыл первую попавшуюся дверь.

От его толчка дверь рухнула, превратившись в груды мусора и источенных червями бревен; перешагнув через эту груды, Керанс подошел к широкому французскому окну, выходящему на балкон. Из окна доносилось легкое дуновение, Керанс предоставил ветерку обдувать его лицо и грудь, пристально рассматривая в это время джунгли внизу. Мыс, на котором находился полукруг зданий, был невысоким холмом, и некоторое количество зданий, расположенных по ту сторону отмели ила, были совсем не затоплены водой. Керанс смотрел на две часовые башни, возвышавшиеся, как обелиски, над зарослями папоротника. Желтый воздух полудня, казалось, давил все, как полупрозрачное одеяло, растительность была неподвижна. Лишь изредка слегка поворачивался какой-нибудь сук, и тут же вспыхивали миллионы пятен света. Классический портик и фасад с колоннадой, различимые под часовыми башнями, свидетельствовали о том, что ранее тут находился муниципальный центр. На одном из циферблатов не было стрелок; другой, волею случая, показывал точное время – одиннадцать тридцать пять. Керанс призадумался, были ли эти часы на самом деле исправны; может, их обслуживал какой-то безумный отшельник, цеплявшийся за последние остатки здравого смысла; впрочем, если механизм действительно исправен, в роли этого отшельника вполне может выступить Риггс. Несколько раз, когда они покидали затонувшие города, он заводил заржавевший двухтонный механизм башенных часов, и они отплывали под звуки последнего перезвона колоколов. В следующие ночи во сне Керанс обычно видел Риггса, одетого в костюм Вильгельма Телля. Пол-

ковник шагал по местности, напоминающей картины Дали, и сажал в расплавленный песок растекающиеся, гнущиеся солнечные часы.

Керанс перегнулся через окно, глядя на часы и ожидая, когда сдвинется минутная стрелка. А может, стрелки были неподвижны (ведь и остановившиеся часы дважды в сутки показывают правильное время).

Размышления Керанса приняли другое направление, когда он заметил за грудой развалин небольшое кладбище; верхушки надгробий торчали из воды, как группа купальщиков. Он вспомнил страшное кладбище, над которым они однажды проплывали. Богато украшенные надгробия треснули и раскололись; трупы в своих распутившихся саванах плавали, как зловещая репетиция судного дня.

Отведя глаза, он отвернулся от окна и внезапно заметил, что в противоположной двери неподвижно стоит высокий чернородый человек. Керанс неуверенно глядел на этого человека, так внезапно прервавшего его размышления. Тот стоял, сутулясь, его тяжелые руки свободно свисали по сторонам. Кора засохшей грязи покрывала его грудь и лоб, башмаки и брюки тоже были в грязи; на мгновение Керанс вновь вспомнил воскресшие трупы. Заросший бородой подбородок мужчины свисал между широких плеч. Впечатление скованности и усталости усиливалось тем, что на нем была форменная голубая куртка медицинского служителя, сделанная из грубой бумажной ткани, на несколько номеров меньше, чем нужно; капральские нашивки на куртке морщились от движений дельтовидной мышцы мужчины. Он глядел на Керанса с угрюмой отчужденностью, глаза его сверкали.

Керанс подождал, пока глаза его свыкнутся с полутьмой комнаты, непроизвольно глядя на вход, через который бородатый человек проник в помещение. Он протянул к нему руку, опасаясь разрушить чары, державшие его в неподвижности, предупреждая того, чтобы он не двигался; своему лицу он постарался придать выражение понимающего сочувствия.

– Хардман! – прошептал Керанс.

Как от электрического удара, Хардман внезапно прыгнул к Керансу; огромным прыжком он преодолел половину разделявшего их расстояния, затем сделал ложный выпад: прежде чем Керанс вновь обрел равновесие, Хардман мимо него проскочил к окну, перебрался на балкон и перелез через перила.

– Хардман! – Это один из людей на крыше поднял тревогу. Керанс подошел к окну. Хардман, как акробат, спускался по водосточной трубе на нижний балкон. Риггс и Макреди вбежали в комнату. Придерживая фуражку, Риггс перегнулся через балкон, глядя, как Хардман исчезает в помещениях нижнего этажа.

– Хорошо, Керанс, мы почти схватили его! – вдвоем они выбежали в коридор и направились вниз по лестнице, глядя, как четыремя этажами ниже спускается Хардман, одним прыжком перелетая с одной лестничной площадки на другую.

Когда они достигли нижнего этажа, Хардман опережал их на тридцать секунд; с крыши доносились возбужденные возгласы. Но Риггс неподвижно застыл на балконе нижнего этажа.

– Боже, он пытается перетащить свой плот в воду!

В тридцати ярдах от них Хардман тащил свой катамаран по илистой отмели, перебросив через плечо буксирную веревку, дергая ее с демонической энергией.

Риггс застегнул свою кобуру и печально покачал головой. До воды оставалось около пятидесяти ярдов, когда Хардман упал на колени, погрузившись во влажный ил и забыв о людях, наблюдающих за ним с крыши. Он отбросил буксирную веревку и схватил обеими руками кроватьную раму, пытаясь тащить ее дальше. От напряжения голубая куртка лопнула у него на спине.

Риггс жестом приказал Уилсону и Колдуэллу спуститься с крыши.

– Бедняга, он совсем спятил. Доктор, вы ближе всех к нему, попробуйте утихомирить его.

Осторожно они приблизились к Хардману. Пятеро человек – Риггс, Макреди, двое солдат с крыши и Керанс – медленно пробирались по корке ила, защищая глаза от яркого солнечного света. Как раненый бизон, Хардман продолжал бороться в тине в десяти ярдах от них. Керанс жестом приказал остальным остановиться и двинулся вперед вместе с Уилсоном, светловолосым юношей, который был ординарцем Хардмана. Размышляя, с чего бы начать разговор с Хардманом, Керанс откашлялся, прочищая горло.

Внезапно с крыши донесся рев запускаемого двигателя вертолета, нарушивший тишину живой картины. Шедший в нескольких шагах за Уилсоном Керанс остановился, глядя, как Риггс в гневе глядит на вертолет. Решив, что их миссия подходит к концу, Дейли включил мотор, и лопасти винта медленно начали вращаться в воздухе.

Прекратив свои попытки дотащить катамаран до воды, Хардман поднял голову, осмотрел окруживших его людей и припал к земле. Уилсон продолжал осторожно продвигаться вперед, идя по краю илистой отмели, отрезая Хардмана от воды и держа карабин наготове перед собой. Вдруг он провалился по пояс, и прежде чем Керанс смог его поддержать, Хардман выхватил свой кольт-45 и выстрелил. Пламя из ствола вонзилось в раскаленный воздух, с коротким криком Уилсон упал на свой карабин, затем повернулся, зажав свой окровавленный локоть, его фуражка, подхваченная взрывной волной, слетела с головы и покатила по илу.

Остальные начали отступать по склону, а Хардман сунул револьвер за пояс, повернулся и побежал по краю отмели к зданиям, возвышавшимся среди джунглей в ста ярдах от них.

Преследуемые усиливающимся ревом вертолета, они последовали за Хардманом, Риггс и Керанс помогли раненому Уилсону и продолжали двигаться, спотыкаясь в рытвинах, оставленных шедшими впереди. На краю илистой отмели начинались джунгли. Как огромный зеленый утес, ярус за ярусом, возвышались папоротники и свитки мха. Без малейшего колебания Хардман нырнул в узкий проход между древними булыжниковыми стенами и исчез в этом проходе, Макреди и Колдуэлл следовали за ним в двадцати ярдах.

– Держитесь за ним, сержант! – закричал Риггс, когда Макреди заколебался, не решаясь углубляться в проход. – Мы сейчас его схватим, он начал уставать. – Обращаясь к Керансу, он добавил: – Боже, что за бойня! – Он беспомощно указал на высокую фигуру Хардмана, с трудом продвигавшуюся вперед среди густой растительности. – Что нам с ним делать? Он совсем ничего не воспринимает.

Уилсон смог идти без посторонней помощи, Керанс оставил его и побежал.

– Все будет в порядке, полковник. Я постараюсь поговорить с Хардманом, может, мне удастся убедить его.

Проход кончился, и они оказались на небольшой площади, где группа уравновешенных муниципальных зданий XIX века смотрела на богато украшенный фонтан. Дикая орхидея и магнолии обвивали серые ионические колонны старого здания суда, миниатюрного лже-Парфенона с тяжелым скульптурным портиком; хотя над площадью прошло много десятилетий, ее мостовая была почти не тронута. Рядом со зданием суда с фасадом, обращенным к часовым башням, находилось другое сооружение с колоннадой, библиотека или музей. Его белые колонны сверкали на солнце, как ряд побелевших костей.

Наступил полдень, солнце залило площадь резким горящим светом. Хардман остановился и неопределенно посмотрел на следовавших за ним людей, затем по лестнице поднялся в здание суда. Сигнализируя Керансу и Колдуэллу, Макреди попятился среди статуй площади и занял позицию у фонтана.

– Доктор, идти туда слишком опасно! Он может не узнать вас. Подождем, пока усилившаяся жара не лишит его возможности двигаться. Доктор...

Керанс не обратил внимания на его слова. Он медленно продвигался вперед по треснувшим плитам, ладонями прикрывая глаза, и неуверенно поставил ногу на первую ступень лест-

ницы, ведущей в суд. Он слышал, как где-то впереди, в тени, хрипло дышит Хардман, проталкивая горячий воздух себе в легкие.

Наполнив площадь своим ревом, над ними медленно пролетел вертолет, и Риггс с Уилсоном торопливо ушли с центра площади, следя, как машина развернулась и начала спускаться по сужающейся спирали. Шум и жара вместе били Керанса по голове: впечатление было такое, будто его ударила сразу тысяча дубинок, облака пыли поднялись вокруг. Вертолет начал резко спускаться, машина взревела и повернулась. Увернувшись, Керанс укрылся вместе с Макреди у фонтана, а вертолет скользнул над их головами. Поворачиваясь, он задел хвостовым винтом портик здания суда, в тучах мраморных осколков и пыли он тяжело опустился на булыжники площади, поломанный хвостовой винт медленно вращался. Дейли наклонился над контрольным щитом, полуоглушенный ударом о землю. Он безуспешно пытался привести в порядок свой мундир.

Вторая попытка поймать Хардмана оказалась сорванной. Они собрались в тени у портика музея, ожидая, пока спадет жара. Освещенные ярким светом, здания напомнили Керансу меловые колоннады египетских некрополей. По мере того как солнце поднималось в зенит, камни мостовой начали сверкать отраженным светом. Время от времени поднимаясь, чтобы дать Уилсону несколько гран морфия, Керанс видел остальных, лежавших в ожидании Хардмана и медленно обмахивавшихся своими фуражками.

Через десять минут, вскоре после полудня, он взглянул на площадь. Здания на противоположной стороне площади, за фонтаном, колебались в нагретом воздухе, временами совсем пропадая из виду. В центре площади на краю фонтана, стояла высокая фигура человека, потоки горячего воздуха искажали ее размеры, превращая в великана. Обожженное солнцем лицо и черная борода Хардмана казались белыми, обрывки его одежды сверкали на солнце, как куски золота.

Керанс привстал, ожидая, что Макреди последует за ним, но сержант, а рядом с ним и Риггс беспорядочной кучей съезжились у портика, глаза их неподвижно были устремлены вниз, казалось, они ослепли или находились в трансе.

Отойдя от фонтана, Хардман медленно двинулся через площадь, временами исчезая в потоках света. Он прошел в двадцати футах от Керанса, который стоял на коленях за колонной, одной рукой придерживая за плечи Уилсона и успокаивая его стоны. Обойдя вертолет, Хардман дошел до конца здания суда и покинул площадь, направляясь к илистой отмели, находящейся в ста ярдах.

Вслед за его исчезновением резко уменьшилась яркость солнечного света.

– Полковник Риггс!

Макреди спускался по ступеням, прикрывая глаза рукой и указывая Томпсоновым ружьем на отмель. Риггс, без шапки, с опущенными плечами, усталый и раздраженный, следовал за ним.

Он удерживал Макреди за локоть.

– Пусть идет, сержант. Мы не можем схватить его. В этом нет никакого смысла.

В двухстах ярдах от них, в полной безопасности, Хардман продолжал идти, жара будто не трогала его.

Вот Хардман достиг первого перекрестка, временами исчезая в полосах пара, поднимавшихся от ила, как в густом тумане. Перед ним начинались берега бесконечного внутреннего моря, сливаясь на горизонте с небом, так что Керансу показалось, что Хардман идет по раскаленному пеплу к солнцу.

Следующие два часа он спокойно сидел у музея, ожидая прибытия катера, слушая раздраженное ворчание Риггса и неуверенные оправдания Дейли. Измученный жарой, он пытался уснуть, но неожиданный звук спускаемого курка карабина подействовал на него, как удар сапогом. Привлеченные шумом вертолета, приближались игуаны; теперь они скрывались по углам

площади, время от времени лая на людей на ступенях музея. Их резкие голоса наполнили Керанса смутным страхом, который не оставил его даже после прибытия катера и во время их возвращения на базу. Сидя в сравнительной прохладе под широким навесом и следя за убегающими назад зелеными берегами, Керанс все еще слышал их хриплые голоса.

На базе он отвел Уилсона в лазарет, затем отправился к доктору Бодкину и описал ему утренние события, все еще прислушиваясь про себя к голосам игуан. Бодкин, к его удивлению, только кивнул и заметил:

– Будьте осторожны, Роберт, вы их снова услышите.

Он никак не прокомментировал бегство Хардмана.

Катамаран Керанса все еще находился на другом берегу лагуны, поэтому он решил переночевать в своей каюте на испытательной станции. Здесь он спокойно провел остаток дня, пытаясь овладеть своим нервным возбуждением, размышляя о странной южной одиссее Хардмана и об илистых отмелях, сверкающих под полуденным солнцем, как расплавленное золото, одновременно отталкивающих и манящих, как утраченные и недостижимые берега древнего рая.

5. Спуск в глубины времени

Позже, вечером, когда Керанс лег спать в своей каюте на испытательной станции, темные воды лагуны струились через затонувший город, и к нему впервые пришел сон. Он вышел из каюты и пошел по палубе, глядя на черный сверкающий диск лагуны. Плотные столбы непрозрачного пара стояли над его головой, опускаясь почти до двухсот футов над поверхностью воды. Через них едва просвечивали очертания огромного круга солнца. С глухим отдаленным барабанным гулом оно посылало тусклое сверкание, пульсировавшее по всей лагуне, на мгновения освещая известняковые скалы, которые заняли место белофасадных зданий, кольцом обступавших лагуну.

Отражая этот перемежающийся свет, глубокая чаша воды превращалась в рассеянное сверкающее пятно. Множество микроскопических животных в ее глубине образовывали бесконечную последовательность светящихся ореолов. Среди них в воде извивались тысячи змей и угрей, сплетаясь в фантастические узлы, которые разрывали поверхность лагуны.

Барабанный стук огромного солнца послышался ближе, оно заполнило все небо, густая растительность у известняковых скал внезапно раздвинулась, обнаружив черные и серые головы огромных ящеров триасовой эпохи. Неуклюже переваливаясь на края скал, они все вместе начали реветь на солнце, шум все разрастался, пока не стал не отличим от вулканической силы солнечных вспышек. Ощущая этот гул внутри себя, как собственный пульс, Керанс вместе с тем ощутил и месмерическую притягательную силу ревущих ящеров, которые теперь казались продолжением его собственного организма. Рев разрастался, и Керанс чувствовал, как преграды, отделяющие его от клетки окружающего древнего ландшафта, рушатся, и он поплыл вперед, с глухим шумом погружившись в темную воду...

Он проснулся в душном металлическом ящике своей каюты, голова раскалывалась от боли, он не мог даже открыть глаза. Даже после того, как он сел на кровать, сполоснув теплой водой лицо, он все еще видел огромный пламенеющий диск солнца; все еще слышал биение его собственного сердца. Поразмыслив, он понял, что это было биение его собственного сердца, но каким-то безумным путем звуки его настолько усиливались, что напоминали удары подводных скал о стальные борта подводной лодки.

Эти звуки продолжали преследовать его, когда он открыл дверь каюты и пошел по коридору в камбуз. Было шесть часов утра, испытательная станция была заполнена глухой тишиной, первые отблески рассвета освещали пыльные лабораторные столы и упаковочные корзины, грудой сваленные под веерообразными окнами в коридоре. Несколько раз Керанс останавливался, пытаясь избавиться от эха, звучавшего в его ушах, размышляя про себя, в чем истинная причина этого странного состояния. Его подсознание быстро превращалось в пантеон, тесно заполненный охранительными фобиями и навязчивыми идеями, населявшими его перегруженную психику, как будто он воспринимал их телепатически. Рано или поздно прототипы этих страхов выйдут наружу и начнут бороться друг с другом, зверь против личности, я против них...

Вдруг он припомнил, что Беатрис Дал видела тот же сон, и взял себя в руки. Он вышел на палубу и посмотрел на противоположный берег лагуны, пытаясь решить, стоит ли брать одну из лодок, пришвартованных к базе, и отправиться к Беатрис. Испытав на собственном опыте ночной кошмар, он понял, какую храбрость и самообладание проявила Беатрис, отказываясь от малейшего сочувствия.

Однако Керанс не знал, что по каким-то причинам ему вовсе не хочется сочувствовать Беатрис, и он никогда не будет расспрашивать ее о них и никогда не предложит ей лекарств или успокоительных средств. Не будет он вдумываться в многочисленные замечания Риггса и Бодкина о кошмарах и их опасности. Он как бы заранее знал, что вскоре сам испытает эти сны

и воспримет как неизбежный элемент жизни, как представление о собственной неизбежной смерти, которое каждый человек хранит где-то в глубинах своего сознания.

Бодкин сидел за столом в камбузе; когда Керанс вошел, он безмятежно прихлебывал кофе, сваренный на плите в большой треснувший кастрюле. Он ненавязчиво, но внимательно рассматривал Керанса, пока тот усаживался в кресло, потирая лоб слегка дрожащей рукой.

– Итак, отныне вы принадлежите к тем, кто испытывает эти сны, Роберт. Вы испытали на себе миражи лагуны. У вас усталый вид. Это был глубокий сон?

Керанс коротко рассмеялся.

– Вы хотите испугать меня. Алан? Не могу сказать точно, но кажется, сон был довольно глубокий. Боже, как я хотел бы не проводить эту ночь здесь. В «Рице» у меня не было никаких кошмаров. – Он задумчиво отхлебнул горячий кофе. – Так вот о чем говорил тогда Риггс. Многие из членов отряда видят эти сны?

– Сам Риггс не видит, но больше половины остальных – да. И, конечно, Беатрис Дал. Я вижу их уже почти три месяца. По существу это все один и тот же повторяющийся сон. – Бодкин говорил медленным неторопливым голосом, мягко, в отличие от своей обычной резкой и грубоватой манеры, как если бы Керанс стал членом избранной группы, к которой принадлежал и сам Бодкин. – Вы держались очень долго, Роберт, это свидетельствует о прочности фильтров вашего сознания. Мы все уже удивлялись, когда же и вы начнете. – Он улыбнулся Керансу. – В переносном смысле, конечно. Я никогда не обсуждал эти сны с остальными. Кроме Хардмана, конечно. Бедный парень, сны полностью овладели им. – В раздумье он добавил: – Вы обратили внимание на солнечный пульс? Пластинка на проигрывателе в каюте Хардмана была с записью его собственного пульса. Я надеялся таким образом вызвать кризис. Не думайте, что я добровольно отправил его в эти джунгли.

Керанс кивнул и бросил через окно взгляд на полукруглый корпус базы, слегка покачивавшийся неподалеку. На самой верхней палубе у перил неподвижно стоял Дейли, пилот вертолета, и пристально глядел на прохладную утреннюю воду. Возможно, он тоже только что очнулся от того же коллективного сна, его глаза все еще полны видением оливково-зеленой лагуны, залитой светом огромного триасового солнца. Стоило Керансу перевести взгляд в полутьму каюты, как он вновь увидел ту же картину. В ушах его продолжали отдаваться пульсирующие звуки солнечного барабана над водой. Но теперь, пережив первый страх, он уже находил в этих звуках что-то успокаивающее, что-то ободряющее, как собственное сердцебиение. Но огромные ящеры были все же ужасны.

Он вспомнил игуан, лающих и лениво ползающих по ступеням музея. Различие между скрытым и явным содержанием сна переставало иметь значение, так же как и разница между действительностью во сне и наяву. Фантомы из сна незаметно перешли в реальность, воображаемый и истинный ландшафты теперь были неразличимы, как если бы это были Хиросима и Аушвиц, Голгофа и Гоморра.

Скептически подумав о лекарствах, он сказал Бодкину:

– Лучше дайте мне будильник Хардмана, Алан. Или напомните, чтобы я принял на ночь фенотарбитон.

– Не нужно, – коротко ответил Бодкин. – Если только не хотите, чтобы сила впечатления удвоилась. Единственное средство, которое может поставить преграду на пути видений, это остатки вашего сознательного контроля. – Он застегнул на голой, без рубашки, груди свою шерстяную куртку. – Это не был настоящий сон, Роберт, это древняя органическая память, возраст ее – миллионы лет.

Он указал на полукруг солнца, поднимающийся над зарослями хвощей и папоротников.

– Врожденный механизм, проспавший в вашей цитоплазме много миллионов лет, проснулся. Повышение уровня радиации солнца и температуры влечет нас назад, к спинному мозгу, к поясничному нерву, в древние моря, в область психологии – невроники. Это всеоб-

щий биофизический возраст. Мы на самом деле помним эти древние болота и лагуны. После нескольких ночей эти сны не будут пугать вас, ужас от них поверхностен. Именно поэтому Риггс и получил приказ вернуться.

– Пеликозавр?.. – спросил Керанс.

Бодкин кивнул.

– Они не восприняли мой доклад серьезно, так как это было не первое сообщение.

На лестнице, ведущей к камбузу, послышались шаги. Дверь энергично распахнул полковник Риггс, гладко выбритый и позавтракавший.

Он дружелюбно махнул им дубинкой, рассматривая груды невымытой посуды и двоих своих подчиненных, раскинувшихся в кресле.

– Боже, что за свинарник! Доброе утро. Нам предстоит занятный день, поэтому давайте посидим, облокотившись на стол. Я назначил отъезд на двенадцать часов завтра, поэтому к десяти утра все должно быть погружено на борт. Я не собираюсь тратить ни капли лишнего горючего, поэтому будьте аккуратны. Как вы, Роберт?

– Превосходно, – коротко, не вставая, ответил Керанс.

– Рад слышать. Выглядите вы несколько вяловато. Хорошо. Если вы хотите взять катер, чтобы привезти свои вещи из «Рица»...

Керанс слушал его автоматически, глядя на величественно поднимающееся солнце. Их теперь разделял тот бесспорный факт, что Риггс не видел сны, не ощущал их притягательную силу. Он все еще подчинялся причинности и логике, все еще жил в прежнем, потерявшем всякое значение мире, вооруженный пачкой никому не нужных инструкций, как рабочая пчела перед возвращением в улей. Через несколько минут Керанс уже совершенно игнорировал слова полковника, прислушиваясь только к непрерывному барабанному бою в ушах, полуприкрыв глаза, так чтобы можно было видеть сверкающую пятнистую поверхность лагуны.

Против него Бодкин, казалось, делал то же самое, скрестив руки на пупе. Сколько раз во время их прежних бесед он в действительности был в миллионах миль отсюда?

Когда полковник направился к выходу, Керанс последовал за ним.

– Конечно, полковник, все будет готово вовремя. Спасибо за напоминание.

Катер с полковником двинулся к лагуне, а Керанс вернулся в свое кресло. В течение нескольких минут двое мужчин смотрели друг на друга через стол; по мере того как поднималось солнце, все больше насекомых начинало жужжать по ту сторону проволочной сетки. Наконец, Керанс заговорил:

– Алан, я не уверен, что захочу уйти вместе со всеми.

Не отвечая, Бодкин извлек сигарету. Он зажег ее и принялся спокойно курить, откинувшись в кресле.

– Знаете ли вы, где мы находимся? – спросил он после паузы. – Название города?

Когда Керанс отрицательно покачал головой, Бодкин сказал:

– Это Лондон. Любопытно, что я здесь родился. Вчера я поплыл к старому зданию университета и нашел лабораторию, в которой работал мой отец. Мне было шесть лет, когда мы уехали отсюда, но я очень хорошо все помню. В нескольких сотнях ярдов отсюда был планетарий, я был в нем на одном сеансе, еще до того, как вышел из строя проектор. Большой купол планетария до сих пор заметен, он в двадцати футах под водой. Похож на огромную раковину. Интересно: когда я смотрю на купол сквозь толщу воды, мое детство мне кажется совсем близким. По правде говоря, я почти совсем забыл его – в моем возрасте и у вас будет множество других воспоминаний. Когда мы уйдем отсюда, наша жизнь станет совсем кочевой, а ведь тут единственный дом, который я когда-либо знал... – он внезапно замолчал и выглядел бесконечно уставшим.

– Продолжайте, – ровно сказал Керанс.

6. Затопленное судно

Два человека быстро двигались по палубе, беззвучно ступая мягкими подошвами по стальным плитам. Белое полуночное небо нависло над темной поверхностью лагуны, в нем, как спящие галеоны, неподвижно стояли группы кучевых облаков. Низкие звуки ночных джунглей стлались над водой; изредка бормотала обезьяна или игуаны вскрикивали в своих гнездах в полузатонувших зданиях. Мириады насекомых роились над водой, моментально исчезая, когда волны бились о скошенные борта понтона, на котором была смонтирована испытательная станция.

Один за другим Керанс освобождал швартовые, пользуясь тем, что качка время от времени ослабляла натянутые тросы. Когда станция начала медленно отодвигаться, он с беспокойством посмотрел на темный корпус базы. Постепенно стали видны лопасти большого винта вертолета, привязанного на верхней палубе базы, затем меньший хвостовой винт. Керанс выжидал, прежде чем сбросить последний трос с ржавой причальной тумбы: он дождался сигнала Бодкина с верхней палубы станции.

Натяжение троса усилилось, и Керансу потребовалось несколько минут, чтобы сбросить последнюю петлю с выступа причальной тумбы; к счастью, волна, поднявшая станцию, дала ему несколько дюймов слабины троса. Над собой он слышал нетерпеливый шепот Бодкина; они медленно направлялись в сторону лагуны, в которой был виден единственный огонек – это светилось окно Беатрис. Наконец Керансу удалось сбросить последний конец – он снял его с тумбы и опустил в темную воду в трех футах под собой. Некоторое время он следил, как трос, разрезая воду, уходит к базе.

Освободившись от дополнительной тяжести – к тому же вертолет, укрепленный не на середине палубы, отягощал один из концов базы, – огромный корпус отклонился от вертикали почти на пять градусов, затем постепенно вновь обрел равновесие. В одной из кают загорелся свет, но через несколько мгновений погас. Керанс схватил багор, лежавший рядом с ним на палубе, и принялся осторожно отталкиваться. Интервал между базой и станцией постепенно увеличивался, вначале он составлял двадцать ярдов, потом пятьдесят. Низкая завеса тумана стояла над лагуной, вскоре они уже с трудом различали место своей прежней стоянки.

Удерживая станцию в стороне от стоявших на берегу зданий, они вскоре покрыли двести ярдов. Станция раздвигала своим корпусом растительность, ветви папоротников прорывались в окна. Вскоре они остановились в небольшом заливе площадью около ста квадратных футов.

Керанс перегнулся через перила, глядя сквозь темную воду на маленький кинотеатр в двадцати футах под поверхностью воды, на плоской крыше кинотеатра не было ни выходов лифта, ни пожарных кранов. Помахав Бодкину, по-прежнему стоявшему на верхней палубе, Керанс пошел в лабораторию, мимо сосудов с образцами и раковин для воды он спустился вниз, к понтону.

В основании понтона был лишь один запорный кран, и когда Керанс с трудом отвернул его, мощная струя холодной пенящейся воды хлынула к его ногам. К тому времени, когда он поднялся в лабораторию, чтобы в последний раз осмотреть ее, вода уже достигла уровня лодыжек Керанса и разливалась среди лабораторных столов и раковин. Керанс открыл клетку и выпустил в окно обезьянку с хвостом, поросшим густой шерстью. Станция, как лифт, медленно опускалась. Керанс, погружаясь в воду по пояс, добрался до сходного трапа и поднялся на верхнюю палубу, где Бодкин возбужденно смотрел на окна ближайшего здания, медленно вырисовывавшегося в тумане.

Спуск прекратился, когда верхняя палуба станции находилась в трех футах над водой, ее плоское дно легло на крышу кинотеатра, с борта было удобно перебираться в здание. Слышно

было, как внизу, под водой, булькает воздух, вырываясь из реторт и других сосудов, пенная струя поднималась из затонувшего окна лаборатории, там стоял стол с какими-то реактивами.

Керанс следил, как пятна цвета индиго рассеиваются в воде, и думал о большом полукруге таблиц и схем, скрывшихся под водой в лаборатории. В них были записаны результаты многолетних наблюдений за изменениями животного и растительного мира; уничтожение этих записей символизировало ту неопределенность, в которую они погружались с Бодкиным. Они вступали в новую фазу существования, и для руководства у них было только несколько кустарным образом выработанных правил.

Керанс достал из пишущей машинки в своей каюте лист бумаги и крепко приколот к двери камбуза. Бодкин добавил к этому посланию свою подпись, затем они вдвоем вновь вышли на палубу и спустили на воду катамаран Керанса.

Медленно гребя, они обогнули корпус станции, скользя по темной воде, вскоре исчезли в черных тенях, скрывавших берега лагуны.

Порывы ветра от винта морщили воду в плавательном бассейне, чуть не срывали навес, вертолет нырял и поднимался, как бы отыскивая место для посадки. Керанс с улыбкой следил за ним сквозь пластмассовые стекла гостиной, убежденный, что груда пустых бочек от горячего, нагроможденная им и Бодкиным на крыше, убедит пилота не приземляться. Одна или две бочки скатились с крыши во дворик и с плеском упали в воду, вертолет отлетел и приблизился вновь более осторожно.

Пилот, сержант Дейли, развернул фюзеляж таким образом, что люк вертолета оказался против окна гостиной, в люке показалась фигура Риггса, он был без фуражки, двое солдат удерживали его за руки, не давая вывалиться. Риггс что-то кричал в электрический мегафон.

Беатрис Дал подбежала к Керансу со своего наблюдательного пункта в дальнем конце гостиной, прикрывая уши от рева вертолета.

– Роберт, он старается что-то сказать нам.

Керанс кивнул, но голос полковника совершенно заглушался шумом вертолета. Риггс кончил, вертолет поднялся и полетел над лагуной, унеся с собой шум и вибрацию.

Керанс обнял Беатрис за плечи, ощутив под пальцами ее гладкую кожу.

– Что ж, я догадываюсь, что он хотел нам сказать.

Они вышли во дворик и помахали Бодкину, который вышел из лифта и принялся укреплять груду бочек. Под ними, на противоположном краю лагуны, из воды выступала верхняя палуба затопленной испытательной станции, вокруг которой кружились в водовороте сотни блокнотных листов. Стоя у перил, Керанс указал на желтый корпус базы, пришвартованный к отелю «Риц» в дальнем углу третьей лагуны.

После напрасной попытки поднять затонувшую станцию, Риггс, как и планировалось, отплыл в двенадцать, послав катер к дому Беатрис, где, по его предположению, находились оба биолога. Обнаружив, что лифт не действует, его люди не смогли подняться на двадцать этажей, где на каждой лестничной площадке было множество гнезд игуан. Тогда Риггс попытался добраться до них на вертолете.

– Слава богу, он уходит, – сказала Беатрис. – Почему-то он всегда раздражал меня.

– Вы показывали это очень явно. Удивляюсь, как он вообще не приказал стрелять.

– Но, дорогой мой, он на самом деле несносен. Этот всегда гладко выбритый подбородок, это ежедневное переодевание к ужину – абсолютная неспособность приспособливаться к обстановке.

– Риггс вполне нормален, – спокойно ответил Керанс. – Он жил так, как привык. – Теперь, когда Риггс уходил, Керанс понял, как много держалось на жизнерадостности и выдержке полковника. Без него моральное состояние отряда быстро упало бы. Это напомнило Керансу, что теперь ему самому придется заботиться о расположении духа своего маленького трио. Очевидно, лидером придется быть ему: Бодкин слишком стар, Беатрис занята собой.

Керанс взглянул на часы с термометром, прикрепленные к запястью. Уже три тридцать, но температура все еще около ста десяти градусов, солнце, как кулак, бьет по коже. Они присоединились к Бодкину и вместе с ним пошли в гостиную.

Резюмируя итоги совещания, прерванного прилетом вертолета, Керанс сказал:

– В резервуаре на крыше у вас около тысячи галлонов, Беа, этого достаточно на три месяца, или, скажем, на два, так как мы ожидаем, что температура повысится, и я рекомендую вам закрыть остальные комнаты и жить здесь. Она находится с северной стороны дворика, а надстройка на крыше защитит вас от ливней, которые начнутся вскоре. Десять к одному, что они сломают ставни и воздушные завесы в спальне. Как насчет еды, Алан? Насколько хватит запасов в холодильнике?

Бодкин повернул лицо к нему с видом отвращения.

– Если не считать деликатесов, типа змеиных языков, там находится главным образом первоклассное пиво. Если вы действительно захотите напиться этими запасами, их хватит на шесть месяцев. Но я предпочитаю игуан.

– Несомненно, игуаны предпочтут вас. Ну что ж, дела не так плохи. Алан сможет жить на станции, пока уровень воды не поднимется, я по-прежнему буду в отеле «Риц». Что еще?

Беатрис встала и направилась к бару.

– Да, дорогой. Кончайте. Вы начали говорить, как Риггс. Военные манеры вам не идут.

Керанс шутливо отдал ей честь и отправился в противоположный конец комнаты, к пейзажу Эрнста, а Бодкин в это время глядел через окно на джунгли. Все более и более эти два пейзажа становились неотличимы друг от друга, а в мозгу у каждого был и третий – из ночного кошмара. Они никогда не обсуждали свои сны – этот призрачный общий мир, в котором они двигались, как привидения с картин Дельво.

Беатрис уселась на диван спиной к нему, и Керанс вдруг отчетливо осознал, что нынешнее единство их маленькой группы продержится недолго. Беатрис была права: военные манеры ему не шли, он был слишком пассивной и погруженной в себя личностью. Более важно, однако, что они вступали в новую жизнь, где прежние привязанности и обязательства не имели никакого смысла. Узы между ними будут слабеть, и первое свидетельство этого – решение жить порознь. Хотя Керанс нуждался в Беатрис, тем не менее ее личность мешала ему ощущать свою полную свободу. Каждый из них пойдет отныне по джунглям времени своим путем. Хотя они и будут видеться время от времени в лагунах или на испытательной станции, подлинные встречи возможны теперь лишь во сне.

7. Карнавал аллигаторов

Разорванная страшным шумом, разлетелась тишина раннего утра, и тяжелый рев послышался за окнами отеля. С усилием Керанс извлек свое вялое тело из постели, спотыкаясь о груды книг, разбросанных по полу. Он успел отбросить проволочную дверь балкона, чтобы увидеть большой белый гидроплан, с большой скоростью скользивший посередине лагуны. Две его плоскости, рассекая воду, оставляли длинные полосы пены. Когда тяжелая волна ударила в стену отеля, сбрасывая колонии водяных пауков и обеспокоив летучих мышей, гнездящихся в гниющих обломках, Керанс успел заметить в кабине гидроплана высокого широкоплечего человека, одетого в белый шлем и короткую куртку. Человек наклонился над приборным щитом.

Он вел гидроплан с небрежным щегольством, включив две мощные турбины в тот момент, когда самолет, казалось, ударит в берег. Самолет отвернул в брызгах, пене и радуге. Человек продолжал вести его с небрежным видом, ноги его были гибкими и расслабленными, он напоминал возницу, управляющего движением горячей тройки.

Прячась за зарослями тростника, которые покрывали весь балкон – многочисленные попытки уничтожить эти заросли ни к чему не привели, – Керанс, незамеченный, наблюдал за пришельцем. Когда самолет делал очередной поворот, Керанс заметил щегольской профиль, яркие глаза и зубы этого человека и выражение веселого победителя на его лице.

Серебряные круги патронташа блестели на его поясе, и когда он достиг дальнего конца лагуны, послышалась серия взрывов. Сигнальные ракеты, как маленькие парашюты, выстроились в ряд в воздухе.

Взревев турбинами, гидроплан вновь свернул и скрылся в проходе, ведущем в следующую лагуну, срезая по пути зеленую листву. Керанс ухватился за балконные перила и смотрел, как постепенно успокаивается взволнованная вода. Деревья на берегу все еще продолжали гнуться и трепетать под ударами воздушной струи. Тонкая полоса красной дымки тянулась на север, постепенно исчезая по мере того, как затихал шум моторов гидроплана. Внезапное вторжение шума и движения, появление незнакомца в белом костюме привели Керанса в замешательство, грубо выведя его из обычного состояния усталости и апатии.

В течение шести недель, что прошли после ухода Риггса, он жил один в своих комнатах под крышей отеля, все более и более погружаясь в безмолвную жизнь джунглей. Продолжающееся повышение температуры – термометр на балконе в полдень показывал сто тридцать градусов – и уменьшение влажности делали невозможным покинуть отель после десяти утра: лагуны и джунгли были полны огня до четырех часов вечера, а к этому времени он обычно так уставал, что с трудом добирался до постели.

Весь день он сидел за закрытыми окнами отеля, слушая из своей полутьмы, как потрескивает расширяющаяся от жары проволочная сетка. Большинство окружающих зданий лагуны уже исчезли за разрастающейся растительностью; огромные клубки мха, заросли тростника закрыли белые прямоугольники фасадов, затенив гнезда игуан в окнах.

За лагунами бесконечные груды ила начали превращаться в огромную сверкающую отмель, тут и там возвышающуюся над береговой линией, как огромная груда породы у заброшенной шахты. Свет бил по мозгу Керанса, увлекая его в глубины подсознания, где реальность времени и пространства переставала существовать. Руководимый своими снами, он спускался в глубины прошлого; каждый раз лагуна представляла во сне в ином обрамлении, и каждый ландшафт, как говорил доктор Бодкин, представлял другую геологическую эпоху. Иногда круг воды был ярким и дрожащим, иногда стоячим и темным, берег иногда становился глинистым и блестел, как спина гигантского ящера. Но потом мягкие берега вновь начинали маняще бле-

стеть, небо становилось мягким и прозрачным, пустота длинных песчаных мелей абсолютной и полной, наполняя его утонченной и мягкой болью.

Он стремился к этим спускам в безбрежное прошлое, так как мир вокруг него все более становился чуждым и невыносимым.

Иногда он делал небрежные записи в своем ботаническом дневнике о новых растительных формах; на протяжении первых недель несколько раз навещал доктора Бодкина и Беатрис Дал. Но оба они были совершенно поглощены собственными погружениями в прошлое. Бодкин был погружен в постоянную мечтательность и задумчивость, блуждая без цели по узким протокам в поисках мира своего детства, Керанс видел, как он сидит на корме своей лодки и рассеянно смотрит на окружающие здания. Он смотрел сквозь Керанса и никак не откликался на его зов.

Что же касается Беатрис, то, несмотря на внешнюю отчужденность, между ними оставался не выраженный словами, подразумеваемый союз, основанный на предчувствиях об уготованной им символической роли в будущем.

Множество сигнальных разрывов появилось над лагуной, где находилась испытательная станция и дом Беатрис, и Керанс прикрыл глаза, защищаясь от яркого света, усеявшего небо световых пятен. Через несколько секунд за илистыми отмелями к югу показались ответные сигнальные разрывы, и послышались глухие раскаты, вскоре смолкнувшие.

Итак, незнакомец, прилетевший на гидроплане, был не один. При мысли о неизбежном вторжении Керанс взял себя в руки. Расстояние между сериями ответных разрывов было слишком велико и свидетельствовало о наличии нескольких групп, а также о том, что гидроплан был всего лишь разведчиком.

Плотно прикрыв за собой проволочную дверь, Керанс прошел в комнату, сняв со спинки стула куртку. Вопреки своим привычкам, он прошел в ванную и остановился перед зеркалом, критически осматривая недельную щетину. Волосы его были белыми и отливали перламутром, и это вместе с бронзовым загаром и погруженными в себя глазами придавало ему внешность бродяги, живущего на тихоокеанских островах ловлей жемчуга и случайным заработком. Из разбитого дистиллятора, установленного на крыше, натекло полное ведро мутной воды, он зачерпнул немного этой воды и сполоснул лицо, что также нарушало его установившиеся привычки.

При помощи багра разогнав несколько игуан, устроившихся на причале, он спустил в воду катамаран и медленно поплыл. Под катамараном проплывали груды зарослей, по поверхности воды скользили жуки и водяные пауки. Было несколько минут восьмого, температура около восьмидесяти градусов, сравнительно прохладно и приятно, воздух чист от облаков москитов, которых позже выгонит из гнезд жара.

Когда он плыл по протоку длиной в сто ярдов, ведущему в южную лагуну, над его головой возникло еще множество сигнальных разрывов: слышалось гудение гидроплана, носившегося туда и сюда по лагунам, иногда на мгновение мелькала фигура человека в белом, склонившегося над контрольной доской. Керанс ввел катамаран в лагуну и поплыл спокойно среди свисающих листьев папоротника, следя за водяными змеями, сброшенными со своих мест набегавшей волной.

В двадцати пяти ярдах от берега он поставил катамаран на якорь среди свешивавшихся с крыши полузатонувшего здания хвощей, взобрался по бетонному склону к пожарной лестнице и по ней поднялся на плоскую крышу, возвышавшуюся над волной на пять этажей. Там он лег за низким фронтоном и посмотрел в сторону стоявшего недалеко дома Беатрис.

Гидроплан шумно кружил у маленького залива на противоположной стороне лагуны, летчик направлял его туда и сюда, как всадник горячую лошадь. Взлетело еще несколько сигнальных ракет, некоторые – в четверти мили от Керанса. Следя за самолетом, Керанс услышал низкий, но мощный рев – крик животного, но не игуаны. Рев приближался, смешиваясь

с шумом моторов, сопровождаемый треском ломаемых растений. Вдоль всего пути самолета в воду падали папоротники и хвощи, их ветви свешивались вниз, как спущенные знамена. Казалось, все джунгли разрываются надвое. Полчища летучих мышей взмывали в воздух и в панике носились над лагуной. Их зловещие крики заглушались ревущими турбинами гидроплана и разрывами сигнальных ракет.

Внезапно вода в горле узкого залива поднялась на несколько футов в воздух; казалось, что-то прорвало затвор из бревен и, разрывая береговую растительность, хлынуло в лагуну. Из залива рванулась миниатюрная Ниагара пенящейся воды, на гребне ее появилось несколько моторных лодок, подобных катеру Риггса. На их черных корпусах были нарисованы огромные глаза и зубы дракона. На каждой лодке находилось с дюжину смуглых людей в белых шортах и фуфайках. Лодки понеслись к центру лагуны, с их палубы в общей сумятице поднимались к небу последние сигнальные ракеты.

Полуоглушенный шумом, Керанс смотрел вниз, на множество длинных коричневых тел, плывущих в кипящей воде. Массивные хвосты животных взбивали пену. Таких огромных аллигаторов он никогда не видел, некоторые из них достигали двадцати пяти футов в длину. Прокладывая себе путь в чистую воду, они яростно теснили друг друга, собираясь полчищами вокруг теперь неподвижного гидроплана. Человек в белом костюме стоял у открытого люка, сложив руки на поясе и возбужденно глядя на стаю рептилий. Он лениво махнул экипажам трех катеров, затем жестом указал на лагуну, как бы приказывая встать тут на якорь.

Когда по приказу лейтенанта-негра моторы катеров вновь были выключены и катера поплыли к берегу, человек в самолете осмотрел критическим взглядом окружающие здания, на его строгом лице появилась самодовольная улыбка. Аллигаторы, как стая собак, собрались вокруг своего хозяина, в воздухе с криками реяла стая птиц – ржанок и кроншнепов, – сопровождающих крокодилов. Все больше и больше аллигаторов присоединялось к стае, плывя плечом к плечу в белой пенистой спирали, пока их не собралось не менее двух тысяч – огромная стая, настоящее воплощенное зло.

С криком, от которого из воды высунулось две тысячи крокодилий морд, пилот вновь склонился к приборам. Пропеллеры ожили и подняли гидроплан над водой. Рассекая огромными плоскостями оказавшихся на пути крокодилов, самолет направился в соседнюю лагуну, огромная масса аллигаторов вздымалась ему вслед. Несколько крокодилов отделились от стаи и парами плавали вдоль берегов, шаря в окнах затопленных зданий и прогоняя занявших свои посты игуан. Другие крокодилы вскарабкивались на едва выступающие из воды крыши. В центре лагуны вода продолжала кипеть, изредка там мелькало белое брюхо крокодила, убитого гидропланом.

Когда армада рептилий углубилась в узкий пролив, Керанс спустился по пожарной лестнице и направился по бетонному пандусу к своему катамарану. Прежде чем он достиг его, тяжелая волна, поднятая гидропланом, подхватила катамаран, сорвала его с якоря и бросила вперед, в массу теснящихся аллигаторов. Через несколько секунд он был сжат боками аллигаторов, старающихся пробраться в узкий залив, и разорван на куски их мощными челюстями.

Огромный кайман, прятавшийся в зарослях хвощей, заметил погруженного по пояс в воду Керанса и, не спуская с него немигающих глаз, направился к нему. Его чешуйчатая спина и гребень на хвосте извивались в воде. Керанс быстро отступил по пандусу, окунаясь по плечи, достиг пожарной лестницы, прежде чем кайман достиг мелкого места и побежал на своих коротких лапах.

Отдуваясь, Керанс облокотился на перила, глядя вниз в холодные глаза, которые бесстрастно смотрели на него.

– Ты хорошая сторожевая собака, – сказал он, вытащил шатающийся кирпич и обеими руками швырнул его в морду крокодила. Он улыбнулся, когда крокодил взвыл и отступил, раздраженно кусая хвощи и обломки катамарана.

Через полчаса, выиграв несколько дуэлей с отступавшими игуанами, Керанс преодолел двести ярдов по берегу и достиг дома Беатрис. Когда он вышел из лифта, Беатрис встретила его широко раскрытыми в тревоге глазами.

– Роберт, что случилось? – она положила руки ему на плечи и прижалась головой к его влажной куртке. – Вы видели аллигаторов? Их здесь тысячи!

– Видел их? Меня чуть не съел один у ваших дверей. – Керанс высвободился и торопливо подошел к окну. Гидроплан теперь вошел в центральную лагуну и на большой скорости кружил в ее центре, в его кильватере следовала стая аллигаторов. Множество их собралось вокруг испытательной станции, взбивая своими хвостами пену. Тридцать или сорок крокодилов остались в нижней лагуне и небольшими патрулями плавали по ней, огрызаясь на игуан.

– Эти чертовы звери, должно быть, их охрана, – решил Керанс. – Как стая сторожевых тарантулов. Ничего не может быть лучше.

Беатрис стояла рядом с ним, нервно трогая пальцами высокий воротник желто-зеленой шелковой блузки, которую она надела поверх черного купальника. Хотя помещение постепенно приобретало заброшенный и ветхий вид, Беатрис продолжала заботиться о своей внешности. Несколько раз Керанс заставлял ее сидеть перед зеркалом во дворике или в спальне на кровати: она автоматически разглаживала мелкие морщины на лице, как слепой художник ощупывает свою картину, опасаясь, что он может забыть, что нарисовано на ней. Волосы Беатрис всегда были безукоризненно причесаны, краска на веках и губах постоянно возобновлялась, но отвлеченный, погруженный в себя взгляд делал ее похожей на прекрасный восковой манекен. Наконец, однако, она почувствовала возбуждение.

– Но кто они, Роберт? Этот человек в самолете пугает меня. Я хотела бы, чтобы полковник Риггс был здесь.

– Теперь он в тысячах миль отсюда, если вообще не в Берд. Не волнуйтесь, Беа. Они выглядят как пираты, но у нас тут нечем поживиться.

Большой трехпалубный колесный пароход входил в лагуну и медленно приближался к трем катерам, причаленным в нескольких стах ярдах от того места, где была стоянка базы Риггса. Он был набит грузом, палубы покрывали горы укутанных в парусину механизмов, так что на борту с трудом можно было найти свободное место.

Керанс решил, что это корабль-склад и что на нем сосредоточена добыча группы. Подобно большинству других пиратских групп, эта, должно быть, тоже охотилась главным образом за механизмами, типа электрических генераторов, оставленных правительственными отрядами. Номинально за такое похищение полагалось суровое наказание, но фактически власти были слишком слабы, чтобы пытаться навести порядок в оставленных поддерживающими отрядами местах.

– Смотрите!

Беатрис схватила Керанса за локоть. Она указывала вниз, на испытательную станцию, на крыше которой стоял беспорядочно одетый, заросший многодневной щетиной доктор Бодкин и махал руками, привлекая внимание людей на корабле. Один из них, негр с голой грудью, в белых брюках и белой форменной фуражке, что-то крикнул в ответ.

Керанс пожал плечами.

– Алан поступает правильно. Прячься, мы ничего не выиграем. Наоборот, если мы им поможем, они скорее оставят нас одних.

Беатрис колебалась, но Керанс взял ее за руку. Гидроплан, теперь освободившийся от свиты, возвращался в облаке пены.

– Идем, если мы успеем спуститься к причалу, он захватит нас на борт.

8. Человек с невинной улыбкой

Красивое мрачное лицо Стренгмена было окрашено смесью подозрительности и презрения. Он сидел откинувшись под навесом на палубе парохода. Теперь он был одет в жесткий белый костюм, гладкая шелковая поверхность которого отражала позолоту кресла с высокой спинкой эпохи Возрождения, заимствованного из какой-нибудь венецианской или флорентийской лагуны. Кресло подчеркивало магический ореол своего хозяина.

– Ваши мотивы кажутся мне слишком сложными, доктор, – заметил он, обращаясь к Керансу. – Впрочем, возможно, и вы сами не отдаете себе отчет в истинных мотивах. Назовем это тотальным синдромом безделья и покончим на этом.

Он щелкнул пальцами. Подошел стюард, стоявший невдалеке; Стренгмен выбрал с подноса маслину.

Беатрис, Керанс и Бодкин сидели полукругом в маленьких креслах, попеременно впадая то в жар, то в холод, так как портативный кондиционер все время менял радиус своего действия. Было уже полпервого. Лагуна за бортом превратилась в сплошной костер, яркий свет скрыл все здания, возвышавшиеся на ближайшем берегу. Джунгли неподвижно застыли в невыносимой жаре, аллигаторы попрятались в клочки тени, которые они сумели отыскать.

Несмотря на жару, несколько людей Стренгмена на борту одного из катеров работали с лентой, разгружая какой-то тяжелый груз под руководством огромного горбатого негра в зеленых шерстяных шортах. Огромная гротескная пародия на человека, этот негр время от времени поправлял повязку на глазу и непрерывно выкрикивал команды, смешивая слова благодарности и проклятий, летевшие над горячим воздухом.

– Скажите, доктор, – продолжал настаивать Стренгмен, очевидно, неудовлетворенный ответом Керанса, – когда вы все же предполагаете покинуть лагуну?

Керанс колебался, не решаясь назвать определенную дату. После того как они целый час прождали, пока Стренгмен переоденется, им разрешили поздороваться с ним и объяснить, почему они остались в лагуне после ухода поддерживающего отряда. Однако Стренгмен, по-видимому, не принял их объяснение всерьез, перейдя от удивления их наивностью к подозрительности.

Керанс внимательно следил за ним, не желая пропустить даже малейшей фальшивой ноты. Кем бы он ни был на самом деле, Стренгмен не был заурядным грабителем. Странное угрожающее впечатление производил этот корабль, его экипаж и его хозяин. Стренгмен с его белым улыбающимся лицом, черты которого становились еще более резкими и зловещими, когда он улыбался, казался Керансу особенно опасным.

– Мы, в сущности, и не обсуждали эту возможность, – сказал Керанс. – Я думаю, мы все надеялись остаться здесь неопределенно долго. Правда, у нас не очень велики запасы продовольствия и горючего.

– Но, мой дорогой, – возразил Стренгмен, – температура скоро достигнет двухсот градусов. Вся планета скоро вернется в мезозойский период.

– Совершенно верно, – прервал его доктор Бодкин, внезапно очнувшись от погруженности в свой внутренний мир. – И поскольку мы часть планеты, мы тоже возвращаемся в прошлое. Здесь наша зона перехода, тут мы вновь осваиваем свое биологическое прошлое. Поэтому мы и решили остаться здесь. Никаких тайных причин этого поступка нет, Стренгмен.

– Конечно, нет, доктор, я вполне доверяю вашей искренности. – Выражение лица Стренгмена непрерывно менялось, он становился то раздраженным, то дружелюбным, то скучающим, то погруженным в себя. Он прислушался к шипению воздушного насоса на палубе, потом спросил:

– Доктор Бодкин, ребенком вы жили в Лондоне? У вас должно быть много сентиментальных воспоминаний о дворцах и музеях. Или вас интересуют лишь воспоминания доутробного периода?

Керанс взглянул на него, пораженный легкостью, с которой Стренгмен перенял жаргон Бодкина. Он заметил, что Стренгмен не только ждет ответа Бодкина, но одновременно следит за Беатрис и ним самим.

Но Бодкин сделал неопределенный жест:

– Нет, боюсь, что я ничего не помню. Ближайшее прошлое не интересует меня.

– Жаль, – лукаво ответил Стренгмен. – Вся ваша беда, значит, заключается в том, что вы живете где-то за тридцать миллионов лет отсюда. Вы утратили всякий интерес к жизни. Я же очарован недавним прошлым. Сокровища триасовой эры для меня ничто по сравнению с драгоценностями, оставленными вторым тысячелетием нашей эры.

Он оперся на локоть и улыбнулся Беатрис, сидевшей со сложенными на обнаженных коленях руками с выражением мыши, следящей за сытым котом. – А как насчет вас, мисс Дал? Вы выглядите несколько меланхолично. Может быть, легковременное недомогание? Или и вас тревожат изгибы хроноклазма? – он хихикнул, радуясь своему замечанию, а Беатрис спокойно ответила:

– Мы обычно очень устаем здесь, мистер Стренгмен. К тому же мне не понравились ваши аллигаторы.

– Они вас не тронут. – Стренгмен склонился вперед и осмотрел всё трио. – Все это очень странно. – Через плечо он бросил короткую команду стюарду, затем вновь нахмурился. Керанс вдруг понял, что кожа на его лице и руках была ненормально бела, она была совершенно лишена пигментации. Густой загар Керанса, так же как у Беатрис и Бодкина, делал их почти неотличимыми от негритянского экипажа, вообще под жарким солнцем исчезало всякое различие между мулатами и квартеронами. Стренгмен один сохранял поразительную бледность, и этот эффект еще усиливался его белым костюмом.

Появился гологрудый негр в форменной фуражке. По его мощным мускулам струйкой стекал пот. Он был выше шести футов ростом, но необъятная ширина плеч делала его приземистым и коренастым. Обращение его с Стренгменом было почтительным, и Керанс удивился, каким образом удастся поддерживать Стренгмену дисциплину экипажа, тем более что он говорил со своими людьми резким и черствым тоном.

Стренгмен кратко представил негра.

– Это Адмирал, мой помощник. Если я понадобится вам и меня в это время не будет, обращайтесь к нему. – Он встал и спустился с помоста, на котором стояло его кресло. – Прежде чем вы уйдете, позвольте показать вам мой корабль сокровищ. – Он галантно протянул руку Беатрис, та робко приняла ее, глаза Стренгмена жадно сверкнули.

Когда-то, как решил Керанс, этот пароход использовался как игорный притон, пришвартованный где-нибудь вблизи Мессины, или Бейрута, или в устье какой-нибудь тропической реки, под более мягкими и терпимыми небесами. Когда они покидали палубу, взвод людей Стренгмена укреплял старинную разукрашенную лестницу, ее перила были покрыты шелушащейся позолотой, а над ступеньками был установлен навес из белых досок, украшенный кистями и драпри, скрипевший на своих блоках, как древний фуникулер. Внутренние помещения корабля были убраны в той же стилизованной манере барокко. Бар, теперь темный и закрытый, расположенный в дальнем конце палубы, напоминал деревянные замки, которые устанавливались на корме галеонов, обнаженные позолоченные кариатиды поддерживали его портик. Колонны и арки из фальшивого мрамора вели вверх, к частным номерам и обеденным залам, а центр широкого зала напоминал пародию на Версаль – множество пыльных купидонов и канделябров, грязная медь была покрыта плесенью и ярью.

Однако колеса рулетки и столики для шмен-де-фер были убраны, а выщербленный паркет пола уставлен множеством ящиков и больших упаковочных корзин, нагроможденных почти до потолка, так что лишь узкая полоска света проникала через верхнюю часть затянутых проволокой окон. Все было хорошо упаковано и увязано, но на одном столике красного дерева, стоявшем в углу, Керанс заметил коллекцию бронзовых и мраморных фигур и торсов, фрагментов статуй, ждавших упаковки.

На нижней ступеньке лестницы Стренгмен задержался, стирая подтек темперы с фрески.

– К сожалению, все здесь постепенно разрушается. У вас в «Рице» много лучше, доктор. Я одобряю ваш вкус.

Керанс пожал плечами.

– Сейчас все разрушается.

Он подождал, пока Стренгмен откроет дверь, и они вошли в помещение главного склада, большую душную комнату, уставленную деревянными ящиками. Пол этой комнаты был усыпан опилками. Здесь кондиционер не работал, но сопровождавшие их Адмирал и другие матросы попеременно направляли на них струю ледяного воздуха из шланга, подключенного к вентилям в стене. Стренгмен щелкнул пальцами, и Адмирал быстро убрал покрывало в части груза.

В тусклом свете Керанс с трудом разглядел очертания большого богато украшенного церковного образа в дальнем конце комнаты, снабженного искусно сделанным орнаментом из завитков и покрытого неоклассическим просцениумом с канделябрами в виде дельфинов. По своим размерам просцениум вполне мог покрывать небольшой дом. Рядом с ним стоял с десяток статуй, большей частью эпохи Возрождения, покрытых обрывками толстой позолоты. За ними виднелось несколько меньших икон и триптихов, целая кафедра проповедника, выложенная золотом, три большие конные статуи (в гриве коней все еще были видны запутавшиеся водоросли), несколько больших соборных дверей, отделанных золотом и серебром, и большой расположенный ярусами фонтан. Металлические полки по стенам комнаты были уставлены многочисленными меньшими по размеру предметами и безделушками: урнами для голосования, кубками, щитами, подносами, письменными приборами и прочим хламом.

Все еще держа Беатрис за руку, Стренгмен жестикулировал, говоря ей что-то. Керанс слышал «Сикстинская капелла» и «гробница Медичи», но Бодкин пробормотал:

– С эстетической точки зрения, все это хлам, а держит его из-за золота. Но и золота здесь не так уж много. К чему ему все это?

Керанс кивнул, следя за Стренгменом и Беатрис. Внезапно он вспомнил картину Дельво, с одетыми в смокинги скелетами. Мелово-белое лицо Стренгмена напоминало череп, а в его самодовольстве было что-то от скелета. Без особой внешней причины Керанс почувствовал отвлечение к Стренгмену.

– Что вы думаете об этом, Керанс? – Стренгмен дошел до конца комнаты и сделал знак Адмиралу вновь накрыть выставку покрывалом. – Впечатляет, доктор?

Керанс взглянул на его жадно горящие при виде добычи глаза.

– Они похожи на кости, – спокойно сказал он.

Возмущенный, Стренгмен покачал головой.

– Кости? О чем это вы говорите? Керанс, вы сошли с ума! Кости!

Но тут Адмирал подхватил последнее слово, вначале повторив его про себя, как бы пробуя на вкус, потом снова и снова все громче и быстрее, как бы в нервном припадке, его широкое лицо исказилось от хохота. Остальные моряки присоединились к нему и начали повторять, извиваясь от хохота, как в конвульсиях:

– Кости! Да, черт возьми, кости, черт возьми, кости, черт возьми кости, черт...

Стренгмен с гневом смотрел на них, мышцы у него на лице дергались. Испытывая отвращение к этому проявлению грубости и дурного характера, Керанс повернулся и направился

к выходу. Раздраженный Стренгмен последовал за ним. Прижав ладонь к спине Керанса, он сильно толкнул его вперед.

Через пять минут, когда они отплыли на одном из катеров, Адмирал и с полдюжины остальных членов экипажа повисли на перилах, все еще извиваясь от смеха. Стренгмен взял себя в руки; в своем белом костюме он стоял в стороне, иронически посмеиваясь.

9. Бассейн смерти

В течение двух недель южная часть горизонта все более затенялась дождевыми тучами. Керанс часто виделся с Стренгменом. Тот обычно на большой скорости носился на своем гидроплане по лагунам, одетый в белый костюм, комбинезон и шлем, и следил за работой своих отрядов. В каждой из трех лагун действовал отряд из шести человек, водолазы методично обследовали затонувшие здания.

Временами привычные звуки насосов прерывались ружейными выстрелами: это стреляли в крокодилов, слишком близко подбиравшихся к водолазам.

Отсидеваясь в полутьме своих комнат в отеле, Керанс был далеко от лагун, предоставляя Стренгмену искать свою добычу, сколько тому вздумается. Все чаще и чаще сны вторгались в его жизнь, его бодрствующий мозг все более высыхал и уменьшался. Реальное время, в котором существовал Стренгмен и его люди, казалось прозрачным по сравнению с миром снов. Вновь и вновь, когда к нему обращался Стренгмен, он вынужден был обращать внимание на этот незначительный реальный мир, но его мозг продолжал блуждать далеко.

Любопытно, что после начальных приступов раздражения Стренгмен начал проявлять необъяснимую благожелательность к Керансу. Спокойный нестандартный ум биолога представлял отличную цель для юмора Стренгмена. Иногда он передразнивал Керанса, серьезно беря его за руку во время одной из бесед и говоря благочестивым тоном: «Знаете, Керанс, покинув море два миллиона лет назад, вы можете при переходе получить серьезную травму, скрытую от всех...»

В другой раз он послал двух своих людей на лодке через лагуну; на самом высоком здании на противоположной стороне лагуны буквами размером в тридцать футов они написали:

ЗОНА ПЕРЕХОДА ВО ВРЕМЕНИ

Керанс добродушно переносил это подшучивание, а когда из-за отсутствия успеха в действиях ныряльщиков оно становилось злым, попросту игнорировал его. Погружаясь в прошлое, он терпеливо ждал прихода дождей.

Несколько дней спустя Керанс впервые осознал истинную причину своей боязни Стренгмена. Произошло это на организованном Стренгменом приеме.

Внешне, как объявил об этом Стренгмен, прием был организован для того, чтобы собрать вместе троих отшельников. В своей бесцеремонной манере Стренгмен начал осажать Беатрис, умышленно используя Керанса как средство, с помощью которого легче проникать в ее помещение. Когда он обнаружил, что члены трио редко видятся друг с другом, он избрал другой подход, решив подкупить Керанса и Бодкина своей обильной кухней и винным погребом. Беатрис, однако, постоянно отвергала эти приглашения на ланчи и полуночные завтраки – Стренгмен и его свита из аллигаторов и одноглазых мулатов по-прежнему пугали ее, и приемы, как правило, откладывались.

Однако истинная причина организуемого праздника была более практичной. Несколько раз Стренгмен замечал, как Бодкин медленно гребет по протокам в районе бывшего университета. Вскоре за стариком начал тайком следовать один из катеров, возглавляемый Адмиралом или другим помощником Стренгмена – Великим Цезарем, разрисованный драконьими глазами и замаскированный листьями папоротника, как карнавальная лодка. Стренгмен считал, что Бодкин разыскивает спрятанные когда-то сокровища. Главные его подозрения сосредоточились в конце концов на затонувшем здании планетария, доступ к которому был сравнительно легким. Стренгмен поставил постоянную охрану в этом небольшом озере,

в двухстах ярдах к югу от центральной лагуны, но когда однажды Бодкин появился ночью в ластах и акваланге, Стренгмен потерял терпение и решил опередить его.

– Мы захватим вас завтра в семь утра, – сказал он Керансу. – Шампанское и холодные закуски. Мы определенно найдем завтра то, что запрятал Бодкин.

– Могу сказать вам, Стренгмен, что он запрятал. Только свои воспоминания. Для него они дороже всех сокровищ на земле.

Но Стренгмен скептически рассмеялся и унесся с ревом на своем гидроплане, оставив Керанса беспомощно висеть на бетонном причале отеля, похожем на американские горы.

Точно в семь на следующее утро за ним прибыл Адмирал. Они захватили Беатрис и доктора Бодкина и вернулись на пароход, где Стренгмен завершал приготовления для погружения в воду. Второй катер был полон водолазного оборудования: акваланги, водолазные костюмы, насосы, телефон. С его шлюпбалки свисала клетка для водолазов, но Стренгмен уверял их, что озеро очищено от игуан и аллигаторов и клетка под водой будет не нужна.

Керанс скептически отнесся к его словам, но на этот раз Стренгмен оказался прав. Озеро было полностью очищено. Тяжелые стальные решетки закрывали подводные проходы, а сверху на плавучих бонах сидели вооруженные охранники с гарпунами и ружьями. Когда катер вошел в озеро и пришвартовался к балкону одного из зданий, последняя серия гранат была брошена в воду, и взрывная волна выбросила наружу множество оглушенных угрей, креветок и других морских животных. Их быстро сгребли в противоположную сторону.

Котлообразное углубление, заполненное пеной и илом, постепенно прояснилось, и со своих сидений у перил они увидели под водой куполообразную крышу планетария, всю заросшую водорослями и похожую, как сказал Бодкин, на покинутый дворец из детских волшебных сказок. Круглое вентиляционное окно на вершине купола было закрыто металлическим щитом. Была предпринята попытка разобрать одну из секций щита, но, к сожалению Стренгмена, они все проржавели и слились в один сплошной кусок. Главный вход в купол находился на уровне прежней улицы, слишком глубоко, чтобы сверху можно было что-то различать, но предварительная разведка показала, что войти можно будет без особых трудностей.

Когда солнечные лучи коснулись воды, Керанс, глядя в зеленую непрозрачную глубину, вспомнил теплый доисторический студень, в котором он плавал в своих снах. Он вспомнил также, что несмотря на сверхобилие воды вокруг, он в реальной действительности не погружался в море уже около десяти лет, и в уме начал повторять движения медленного басса, который нес его во сне.

В трех футах под поверхностью воды проплыл маленький питон-альбинос в поисках выхода. Глядя, как он стремительно увертывался от ударов гарпунов, Керанс почувствовал внезапное нежелание погружаться в воду. На противоположной стороне озера, у стальных решеток, огромный крокодил боролся с группой моряков, пытающихся отогнать его. Великий Цезарь, упираясь огромными ступнями в нижний брус плавучего ограждения, с силой бил крокодила, а тот огрызался, пытаясь ухватить багор. Крокодилу было не меньше девяноста лет, в длину он достигал тридцати футов, а объем его груди был не менее шести или семи футов. Его снежно-белый живот напомнил Керансу, что после прихода Стренгмена, как бы привлеченные его появлением, из джунглей выходило много животных-альбиносов: змей и ящериц. Встретилось даже несколько игуан-альбиносов, одна из таких игуан сидела предыдущим утром на причале отеля, глядя на Керанса, как альбатросовая ящерица, и он подсознательно решил, что это вестник Стренгмена.

Керанс взглянул вверх на Стренгмена, который стоял на носу своего самолета и с нетерпением глядел, как крокодил своими мощными ударами чуть не сбросил огромного негра в воду. Симпатии Стренгмена были полностью на стороне крокодила, но не просто из спортивного интереса, но также из садистского желания увидеть одного из своих помощников разорванным на части и убитым.

В конце концов среди грома ругани и проклятий Великому Цезарю протянули ружье, тот выпрямился и разрядил оба ствола в беспомощного крокодила у своих ног. С криком боли тот отплыл в сторону, взбивая хвостом воду.

Керанс и Беатрис глядели в сторону, ожидая, пока закончится схватка, а Стренгмен выбрал более удобное место для наблюдения.

– Когда они попадают в ловушку или погибают, они бьют воду хвостом, давая тревожный сигнал остальным. – Он протянул указательный палец к Беатрис, как бы призывая ее посмотреть спектакль. – Не смотрите так разочарованно. Керанс! Проявите побольше симпатии к бедному зверю. Они существовали уже много миллионов лет назад, это старейшие обитатели нашей планеты.

Когда с животным было покончено, Стренгмен продолжал стоять у перил, балансируя на кончиках пальцев, как бы надеясь, что крокодил оживет и вернется, чтобы продолжить схватку. Лишь когда отрубленная голова аллигатора повисла на багре, он с раздраженным видом вернулся к подготовке погружения.

Под наблюдением Адмирала два члена экипажа произвели разведывательное погружение в аквалангах. Они спустили в воду узкую металлическую лестницу и скользнули вниз, под нависающий купол. Они осмотрели вентиляционное окно, затем испытали прочность полукруглых ребер зданий, пытаясь через щели купола проникнуть вниз. После их возвращения отправился третий моряк, в водолазном костюме и с веревкой. Он медленно опустился на чуть различимую в облаке ила мостовую улицы, свет прожектора, установленного на шлеме, слабо освещал его плечи. Когда в воду ушла большая часть веревки, он приблизился в главному входу и исчез из видимости, связываясь с Адмиралом по телефону. Адмирал вслух повторял для всех его комментарии неожиданно глубоким мелодичным баритоном:

– В кассе... теперь в главном помещении... капитан Стренгмен, Джомо говорит, что это церковь, сиденья на месте, но алтаря нет.

Все собрались у перил, с нетерпением ожидая сообщений Джомо, лишь один Стренгмен сидел, развалившись в кресле, положив голову на руку.

– Церковь! – презрительно фыркнул он. – Боже! Пошли кого-нибудь другого вниз. Джомо кровавый дурак!

– Есть, капитан!

Еще несколько водолазов погрузились в воду, и стюард разнес первый бокал шампанского. Собираясь погружаться, Керанс лишь слегка пригубил пенящуюся жидкость.

Беатрис, с обеспокоенным лицом, тронула его за локоть.

– Вы хотите опуститься, Роберт?

Керанс улыбнулся.

– К самому основанию, Беа. Не волнуйтесь, я возьму большой водолазный костюм, это совершенно безопасно.

– Я думала не об этом. – Она посмотрела на эллипс восходящего солнца, уже видный над крышей ближайшего здания. Оливково-зеленый свет, пробивавшийся сквозь листья папоротников, заполнил озеро желтыми болотными испарениями, поднимавшимися с поверхности, как пар из цистерн. Совсем недавно вода казалась холодной и манящей, теперь она превратилась в чуждый мир, а поверхность стала пленкой, разделяющей два измерения. Клетку для водолазов опустили в воду, ее красные ребра сверкали и постепенно, по мере погружения, искажались. Даже фигуры людей, плывших по поверхности воды, превратились в сверкающие химеры, похожие на чудовищ доисторического прошлого.

Далеко внизу под ними в желтом свете вздымался огромный купол планетария. Он напомнил Керансу космический корабль, забытый на Земле пришельцами миллионы лет назад и только теперь появившийся из моря. Керанс сказал Бодкину:

– Алан, Стренгмен ищет спрятанные вами сокровища.

Бодкин слегка улыбнулся.

– Надеюсь, он найдет их. Награда подсознательно ждет его, если он сумеет ее взять.

Стренгмен стоял на носу своего самолета и расспрашивал одного из водолазов, которому в это время помогали снять снаряжение. Вода, сбегавшая с медных боков костюма, образовала лужу на палубе. Задавая очередной вопрос, Стренгмен заметил, что Керанс и Бодкин о чем-то шепчутся. Сдвинув брови, он подозрительно посмотрел на них, потом скользнул на палубу с видом охранника, обнаружившего опасный заговор трех пленников.

Приветствуя его поднятым бокалом шампанского, Керанс шутливо сказал:

– Я всего лишь спросил доктора Бодкина, где он спрятал свои сокровища.

Стренгмен помолчал, холодно глядя вначале на него, затем на неуверенно засмеявшуюся Беатрис. Он положил руки на спинку кресла Керанса, лицо его напоминало белый камень.

– Не беспокойтесь, Керанс, – фыркнул он, – я знаю, где они, и не нуждаюсь в вашей помощи. – Он повернулся к Бодкину: – Не правда ли, доктор?

Прикрывая уши от резкого голоса Стренгмена, Бодкин ответил:

– Вероятно, знаете, Стренгмен. – Он переставил кресло в отодвинувшуюся тень. – Когда начнется прием?

– Прием? – Стренгмен раздраженно оглянулся, очевидно, забыв, что сам же использовал это слово. – Здесь не купальный бассейн, доктор, однако подождите минутку, я не хочу быть невежливым, я не забыл о прекрасной мисс Дал. – Он наклонился над ней с елейной улыбкой. – Идемте, моя дорогая, я сделаю вас королевой моря, со свитой из пятидесяти крокодилов.

Беатрис отвела взгляд:

– Спасибо, не надо, Стренгмен. Море меня пугает.

– Но вы обязаны. Керанс и доктор Бодкин ждут вашего погружения. И я тоже. Вы будете Венерой, спускающейся в море, и станете вдвое прекрасней после возвращения. – Он схватил ее за руку, Беатрис отшатнулась, испытывая отвращение при виде его елейной самодовольной улыбки. Керанс склонился со своего кресла и взял ее за руку.

– Не думаю, чтобы это был день Беатрис, Стренгмен. Мы плаваем только по вечерам, при свете полной луны. Это дело настроения, вы понимаете?

Он улыбнулся Стренгмену, который крепче схватил Беатрис за руку, лицо его напоминало морду рассерженного вампира.

Керанс встал.

– Послушайте, Стренгмен, я займу ее место. Хорошо? Мне хочется спуститься вниз и взглянуть на планетарий. – Он махнул рукой при виде беспокойства Беатрис. – Не волнуйтесь, Стренгмен и Адмирал позаботятся обо мне.

– Конечно, Керанс. – Хорошее настроение вернулось к Стренгмену, он буквально излучал благожелательную готовность нравиться, лишь слабый намек в его взгляде свидетельствовал о том, что удовольствие его происходит от мысли, что Керанс окажется в его лапах. – Мы используем большой водолазный костюм, а с нами вы сможете говорить по телефону. Спокойней, мисс Дал, никакой опасности нет. Адмирал! Костюм для доктора Керанса! Быстрее! Быстрее!

Керанс обменялся коротким взглядом с Бодкиным и отвел глаза, так как увидел явное удивление Бодкина от его готовности погрузиться в воду. Керанс испытывал легкомысленное веселье, он вновь отхлебнул из бокала.

– Не оставайтесь внизу слишком долго, Роберт, – сказал ему Бодкин. – Температура воды высокая, не меньше девяноста пяти градусов, она плохо на вас подействует.

Керанс кивнул, затем последовал за Стренгменом на нижнюю палубу. Несколько человек готовили костюм и шлем, а в это время Адмирал, Великий Цезарь и остальные моряки следили за Керансом с уклончивым интересом.

– Проверьте, можно ли войти в главную аудиторию, – сказал ему Стренгмен. – Один из парней, кажется, нашел проход. – Он критическим взглядом осмотрел Керанса, стоявшего в ожидании, пока ему наденут шлем. Костюм предназначался для использования на глубине не выше пяти сажен и давал максимальную возможность осмотреться. – В этом костюме, Керанс, вы похожи на космонавта. – Приступ смеха исказил его лицо. – Но не пытайтесь достичь Подсознательного, Керанс, помните, что ваше снаряжение не позволяет оставаться слишком долго.

Тяжело и медленно подойдя к перилам – матросы в это время тащили за ним веревку и шланг, – Керанс остановился, чтобы неуклюже помахать Беатрис и Бодкину, затем ступил на узкую металлическую лестницу и стал медленно погружаться в вязкую зеленую воду. Было начало девятого, солнце горячими лучами освещало липкую виниловую оболочку, окружавшую его, прилипавшую к груди и ногам, и он с удовольствием глядел вниз, ожидая прикосновения своей горячей кожи к прохладной воде. Поверхность озера теперь была совершенно непрозрачной. Клубок листьев и водорослей плыл неподалеку, волнуемый пузырями воздуха, поднимающимися из затопленного купола.

Справа от себя он видел Беатрис и Бодкина. Они опирались подбородками на перила и выжидательно смотрели на него. Прямо впереди, на крыше катера, стояла высокая худая фигура Стренгмена, полы его куртки развевались, руки он упер в бока, легкий ветерок ласкал его мелово-белое лицо. Он молча чему-то хмурился, затем, когда Керанс ступил в воду, что-то крикнул, но Керанс не расслышал, что именно. Немедленно свист воздуха в вентилях шлема усилился и ожил внутренний микрофон.

Вода была теплее, чем он ожидал. Вместо прохладной освежающей ванны он вступил в цистерну с теплым клейким желе, которое липло к его икрам и бедрам, как зловонные объятия гигантского протозойского чудовища. Он быстро спустился по плечи, затем сошел со ступенек и позволил своему весу медленно утянуть себя в зеленоватую глубину, придерживаясь руками за перила. На глубине в две сажени он остановился.

Здесь вода была прохладней, и он с удовольствием расслабил руки и ноги и дал глазам привыкнуть к бледному свету. Несколько маленьких рыбок промелькнуло мимо, их тела, как серебряные звезды, сверкали на фоне расплывшегося пятна – таким выглядела поверхность с глубины в пять футов. В сорока футах от него вырисовывалась полукруглая громада планетария, она казалась гораздо больше и удивительнее, чем с поверхности, как корма древнего затонувшего лайнера. Полированная алюминиевая крыша стала тусклой, к ее краям прикрепилось множество моллюсков. Ниже, там, где купол опирался на прямоугольную крышу аудитории, медленно колебались в воде гигантские водоросли, некоторые из их листьев достигали десяти футов длины.

В двадцати футах от дна лестница кончилась, но Керанс теперь был в состоянии равновесия в воде. Он медленно опускался, держась руками за последнюю ступеньку лестницы, затем разжал руки и опустился на дно, увлекая за собой сигнальную веревку и воздушный шланг; они уходили вверх, к серебряному прямоугольному днищу катера.

Он был отрезан водой от шума, поэтому свист нагнетаемого насосом воздуха и звук собственного дыхания громко звучали в его ушах, усиливаясь по мере того, как увеличивалось давление воздуха. Звуки, казалось, барабанили вокруг него в темной оливково-зеленоватой воде, глухо стуча, как приливно-отливный ритм его снов.

Из наушника раздался голос.

– Говорит Стренгмен, Керанс, как вам нравится всеобщая серая масть?

– Чувствую себя как дома. Я уже почти на дне. Водолазная клетка висит у входа в планетарий.

Он опустился на колени на мягкую глину, покрывавшую дно, и обрел равновесие у покрытого моллюсками фонарного столба. Свободной походкой, преодолевая сопротивление воды, он побрел медленно сквозь густую тину, которая поднималась от его башмаков, как

облачка газа. Справа от него возвышалась смутная линия фасадов, ограниченная тротуаром, ил мягкими дюнами возвышался около них, доходя до окон первого этажа. В промежутках между зданиями илистые склоны достигали двадцати футов высоты, и ограждающие решетки спускались в них, как опускные решетки древних крепостей. Большинство окон было забито обломками досок и мебели, переплетенными водорослями.

Водолазная клетка медленно раскачивалась на тросе в пяти футах над улицей, набор ножевок и гаечных ключей был прикреплен к ее полу. Керанс приблизился к входу в планетарий, таща за собой веревку и шланг и спотыкаясь, когда они сильно натягивались.

Перед ним, как гигантский подводный замок, возвышалась белая громада планетария, освещенная солнечными лучами, доходившими с поверхности. Стальные перегородки у входа были разобраны предыдущими водолазами, и полукруглая дверь, ведущая в фойе, была открыта. Керанс включил лампу на шлеме и прошел в дверь. Он внимательно осмотрел входное помещение и пошел по лестнице, ведущей на антресоли. Металлические перила и хромированные стенные панели заржавели, но в общем интерьер планетария, защищенный баррикадами от растительной и животной жизни лагуны, выглядел совершенно нетронутым, таким же чистым и непотускневшим, как и в тот день, когда была прорвана последняя плотина.

Пройдя киоск, в котором когда-то продавали билеты, Керанс медленно поднялся на антресоли и остановился у перил, чтобы прочесть надписи на дверях гардеробных комнат, светящиеся буквы надписей отражали свет. Круглый коридор вел вокруг аудитории, лампа посыпала бледный конус света вниз, в темную воду. В надежде, что когда-нибудь дамбы будут восстановлены, администрация планетария соорудила второй ряд заграждений вокруг аудитории, снабдив их поперечными распорками, закрытыми на всякие замки, которые теперь совершенно проржавели.

Сверху, на крайней правой плите второй перегородки находилось сделанное ломом смотровое отверстие, которое позволяло заглянуть в аудиторию. Слишком утомленный давлением воды на грудь и живот, Керанс ограничился коротким взглядом внутрь при свете, проникавшем через щели в куполе.

Возвращаясь, чтобы взять в водолазной клетке ножовку, он заметил небольшую боковую лесенку, заканчивавшуюся вверху дверью. Там могла быть либо проекционная, либо кабинет администратора. Ухватившись за перила, он начал медленно подниматься по скользкому покрытию лестницы. Дверь была закрыта, он нажал плечом, и створки разошлись.

Остановившись, чтобы распутать шланг, Керанс прислушался к шуму в ушах. Ритм заметно изменился: очевидно, новая пара операторов принялась за работу на насосах. Они работали медленно, и давление воздуха уменьшилось. Почему-то Керанс ощутил легкую тревогу. Хотя он чувствовал злобу и недоброжелательность Стренгмена, он почему-то был уверен, что тот не будет пытаться покончить с Керансом таким грубым методом, как прекратить снабжать его воздухом. Рядом находились Беатрис и Бодкин, и хотя Риггс и его люди были в тысяче миль, всегда существовала возможность, что какой-нибудь специальный правительственный отряд вновь посетит лагуну. Если только он не убьет Беатрис с Бодкиным, что казалось невероятным по целому ряду причин (Стренгмен подозревал, что они слишком много знают о городе, который он обшаривал), для Стренгмена смерть Керанса будет означать больше беспокойства, чем выгоды.

Когда воздух вновь успокоительно засвистел в шлеме, Керанс двинулся вперед через пустую комнату. Несколько полок свисало со стены, в углу стоял картотечный шкаф. И вдруг, с испугом, Керанс увидел впереди человека в огромном водолажном костюме, стоявшего лицом к нему в десяти футах. Белые пузыри уходили вверх от его лягушкообразной головы, руки застыли в угрожающей позе, луч света шел от лампы на шлеме.

– Стренгмен! – невольно воскликнул Керанс.

– Керанс! Что случилось? – голос Стренгмена, раздавшийся громче, чем шепот его сознания, пресек панику. – Керанс!

– Прошу прощения, Стренгмен. – Керанс взял себя в руки и медленно двинулся навстречу приближающейся фигуре. – Я увидел себя в зеркале. Я наверху, в административном помещении. Точно не могу сказать. Сюда с антресолей ведет особая лестница. Может быть, тут есть вход в аудиторию.

– Хорошо, посмотрите, может, там есть сейф.

Не обращая на него внимания, Керанс положил руки на гладкую поверхность стекла и поводит шлемом слева направо. Он находился в контрольном помещении, выходящем в аудиторию, его отражение возникло на стеклянной звуконепропускающей панели. Рядом находился письменный стол, перед ним кресло. Утомленный давлением воды, Керанс сел в кресло и через панель посмотрел в аудиторию.

Слабо освещенный маленькой нашлемной лампой, перед ним смутно возвышался темный свод, стены его были покрыты тонким слоем ила. Он напоминал огромное бархатное чрево из какого-нибудь сюрреалистического кошмара. Черная непрозрачная вода висела сплошным вертикальным занавесом, скрывая настил в центре аудитории, как бы пряча какую-то священную тайну. По какой-то причине сходство помещения с огромным чревом увеличивалось, а не уменьшалось круглыми рядами сидений, и Керанс, прислушиваясь к шуму в ушах, был уже не уверен, что не слышит смутный подсознательный реквием из своих снов. Он открыл маленькую дверь, которая вела вниз, в аудиторию, и отключил телефонный кабель, чтобы быть свободным от голоса Стренгмена.

Лампа осветила ил, покрывавший ступени лестницы. В центре купола вода была почти на двадцать градусов теплее, чем в контрольном помещении, из-за каких-то причуд конвекции, и он почувствовал себя как в горячей ванне. Прожектор передвинулся с навеса, но теперь в куполе стали видны трещины; они светились, как очертания далеких галактик. Он смотрел вверх, на незнакомые созвездия, как какой-то подводный Кортес, вынырнувший из глубин и впервые взглянувший на безбрежный Тихий океан открытого неба.

Стоя на помосте, он смотрел на слепые ряды сидений, окружавшие его, и размышлял, какой же утробный обряд совершается здесь. Давление воздуха в шлеме резко усилилось, как только люди на палубе утратили с ним телефонную связь. Клапаны по бокам шлема глухо барабанили, серебряные пузыри срывались и улетали прочь, как стремительные привидения.

Постепенно, по мере того как проходили минуты, наблюдение за этими странными созвездиями, возможно, глядевшими на Землю триасового периода, стало казаться Керансу самым важным делом. Он спустился с навеса и отправился обратно в контрольное помещение, таща за собой воздушный шланг. Дойдя до двери, он взял шланг в руки и с внезапным приступом гнева связал его петлей и закрепил на ручке. Немного подождал, затем сделал вторую петлю, обеспечив себе радиус перемещения в двенадцать футов. Он вновь направился вниз и остановился на полпути к помосту, откинув назад голову и решив прочнее запечатлеть очертания созвездий на своей сетчатке. Теперь эти созвездия казались ему более привычными и знакомыми, чем те, что он видел всегда на небе.

Почувствовав резкую боль в евстахиевой трубе, он вынужден был глотнуть. Внезапно он понял, что внутренний клапан, поставлявший в шлем воздух, не действует. Слабый свист раздавался через каждые десять секунд, но давление стремительно падало. Чувствуя головокружение, он взобрался наверх и попытался отвязать воздушный шланг от ручки двери. Он был уверен теперь, что Стренгмен воспользовался случаем, чтобы организовать несчастный случай. Тяжело дыша, он споткнулся на ступеньке, поднялся и неуклюже упал на сиденье в контрольной комнате.

Его прожектор в последний раз осветил потолок аудитории – этот огромный свод кошмарного чрева. Керанс почувствовал приступ тошноты. Он откинулся навзничь, распластался

на ступенях, оцепенело вцепившись в петлю на дверной ручке. Внешнее давление воды смяло его водолазный костюм, казалось, перегородки между его кровеносными сосудами и теплой морской водой больше не существует. Глубокая иловая колыбель мягко приняла его, как огромная плацента, мягче, чем любая самая мягкая постель, какую он когда-либо знал. Сознание угасало. Высоко над собой он видел древние туманности и галактики, светящиеся сквозь тьму утробной ночи, но постепенно даже их свет слабел, и теперь он видел лишь слабый отблеск, доходивший из укромнейших уголков мозга. Он спокойно начал приближаться к этому свету, медленно плывя к центру купола, а этот слабый маяк все отступал и удалялся по мере его приближения. И вот он совсем погас, и Керанс плыл в полной темноте, как слепая рыба в бесконечном забытом море, побуждаемый двигаться вперед, причем он никогда не смог понять истоки пробуждения...

Проходили эпохи. Гигантские волны, необыкновенно медлительные, ударялись о бессолнечные берега моря времени и опадали. Он плыл от одного бассейна в другой, из одного лимба вечности в следующий, тысячи его собственных отражений дергались в зеркале поверхности. В его легких, казалось, вспыхнуло гигантское внутреннее озеро, его грудная клетка взорвалась, как у кита, проглотившего целый океан.

– Керанс...

Он увидел ярко освещенную палубу, бриллиантовые доспехи света сомкнулись над ним, на полном ожидания лице Адмирала, сидевшего перед ним на согнутых ногах и сжимавшего его грудь своими огромными руками.

– Стренгмен, он...

Подавившись водой, Керанс откинулся назад на горячую палубу, солнце жгло его глаза. На него внимательно смотрел круг лиц – Беатрис с глазами, широко раскрытыми в тревоге, серьезно нахмурившийся Бодкин, мешанина коричневых лиц под фуражками цвета хаки. Внезапно впереди них появилось единственное белое лицо.

– Стренгмен, вы...

Хмурое выражение сменилось улыбкой.

– Нет, не я, Керанс. Не вините в этом меня. Доктор Бодкин поручится в этом. – Он помахал пальцем перед Керансом. – Я предупреждал вас не погружаться слишком глубоко.

Адмирал встал, удовлетворенный тем, что Керанс пришел в себя. Палуба, казалось, была сделана из раскаленного железа, и Керанс, опираясь на локоть, сел в луже воды. В нескольких футах от него, как смятый труп, лежал водолазный костюм.

Беатрис прорвалась сквозь кольцо зрителей и присела рядом с ним.

– Роберт, расслабьтесь, не думайте об этом сейчас.

Она обняла его руками за плечи и выжидательно взглянула на Стренгмена. Тот стоял рядом с Керансом, улыбаясь и уперев руки в бока.

– Не стало воздуха... – В голове у Керанса прояснилось, но легкие напоминали два сожженных цветка. Он постарался охладить их, глубоко вдыхая воздух. – Прекратилось накачивание. Разве вы не перестали...

Подошел Бодкин с курткой Керанса и набросил ему на плечи.

– Спокойно, Роберт, теперь это не имеет значения. Я убежден, что вины Стренгмена тут нет. Он разговаривал со мной и Беатрис, когда это произошло. Шланг зацепился за какое-то препятствие, похоже, что это просто несчастный случай.

– Но это не так, доктор, – прервал его Стренгмен. – Не увековечивайте миф, Керанс будет вам больше благодарен за правду. Он сам зацепил этот шланг, совершенно добровольно. Почему? – Тут Стренгмен сделал величественный жест. – Потому, что он хотел стать частью этого затонувшего мира. – И он засмеялся и продолжал весело смеяться, пока Керанс слабо ковылял к креслу. – И потеха заключается в том, что он никогда так и не узнает, правду ли

я говорю или нет. Понимаете это, Бодкин? Посмотрите на него, он искренне не уверен ни в чем. Боже, какая насмешка!

– Стренгмен! – сердито выкрикнула Беатрис, победив свой страх. – Прекратите! Это был несчастный случай!

Стренгмен театрально пожал плечами.

– Это был несчастный случай! – повторил он. – Согласимся с этим. Тогда становится еще интереснее, особенно для Керанса. Пытался ли я убить себя? – вот вопрос, гораздо более значительный, чем «быть или не быть?» – он покровительски улыбнулся Керансу, сидевшему в кресле и прихлебывавшему шампанское, которое принесла ему Беатрис. – Керанс, желаю вам решить эту задачу – если только вы сумеете.

Керанс слабо улыбнулся. По скорости, с которой он приходил в себя, он понял, что испытывал последствия утопления. Члены экипажа вернулись к своим обязанностям, больше не интересуясь им.

– Спасибо, Стренгмен. Я дам вам знать, когда получу ответ.

На обратном пути в «Риц» Керанс молчаливо сидел на корме катера, вспоминая огромную, похожую на чрево аудитории планетария, связанные с нею причудливые ассоциации и пытаясь стереть из памяти «Пытался ли я...», навязанное ему Стренгменом. Действительно ли он сам перекрыл доступ воздуха в шланге или это был несчастный случай? А может, и Стренгмен приложил к этому руку? Он должен найти ответ. К тому же для него не совсем ясным оставалось его стремление произвести погружение. Несомненно, им двигало желание положиться на милосердие Стренгмена, своего предполагаемого убийцы.

На протяжении следующих нескольких дней загадка оставалась неразрешенной. Был ли этот затонувший мир и удивительное бегство на юг Хардмана проявлением бессознательной логики вырождения, возвращения в прошлое? Стараясь разрешить эту загадку, выяснить роль, которую сыграл Стренгмен, Керанс напрягал свою память. А Беатрис и Бодкин отказывались говорить об этом случае, как будто их тоже занимали какие-то многочисленные загадки, решению которых он, Керанс, мешал.

10. Прием с сюрпризом

– Керанс!..

Разбуженный громом приближающегося гидроплана, Керанс испуганно вздрогнул, его голова качнулась из стороны в сторону на изношенной подушке. Он остановил взгляд на ярко-зеленых параллелограммах, покрывавших потолок, – отражениях венецианских стекол – слушающая, как снаружи усиливается и затихает рев турбин, затем с усилием встал с постели. Было уже семь тридцать, на час позже времени его обычного подъема, и бриллиантовый солнечный свет, отражаясь от поверхности лагуны, уже просунул свои пальцы в затененную комнату, как хищное золотое чудовище.

С внезапным приступом раздражения он заметил, что забыл перед сном выключить стоявший у постели вентилятор. Он теперь засыпал неожиданно в самые неподходящие моменты, например сидя на кровати и снимая башмаки. Стремясь сэкономить горючее, он отказался от особой спальни и переместил тяжелую кровать в гостиную, но там ему так плохо спалось, что вскоре он вынужден был вернуть кровать обратно.

– Керанс!..

В коридоре раздался голос Стренгмена. Керанс лениво направился в ванную, намереваясь сполоснуть лицо, пока Стренгмен будет подниматься вверх.

Бросив шлем на пол, Стренгмен извлек графин с горячим черным кофе и сушеные орешки, позеленевшие от возраста.

– Подарок для вас. – Он с дружелюбной улыбкой посмотрел в тусклые глаза Керанса. – Как дела в далеком прошлом?

Керанс сел на край постели, ожидая, пока утихнет барабанный бой призрачных джунглей в его мозгу. Остатки снов пронизывали реальность вокруг него.

– Что привело вас сюда? – равнодушно спросил он.

Лицо Стренгмена приобрело выражение глубокой иронии.

– Керанс, вы мне нравитесь. Вы все забыли. – Он снял с кондиционера какую-то книгу, улыбаясь Керансу. – Конечно, у меня есть причины – я хочу пригласить вас поужинать со мной сегодня вечером. Не трясите головой. Я пришел к вам, и вы должны ответить мне на визит. Беатрис и старый Бодкин тоже будут, мы отлично проведем время – фейерверк, угощение и – сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Увидите. Нечто действительно захватывающее, поверьте мне, я никогда не делаю ничего наполовину. Если мне понадобится, я заставлю крокодилов танцевать на кончиках своих хвостов. – Он торжественно кивнул. – Керанс, вы выглядите подавленным. Для вас будет полезным отвлечься, это остановит вашу безумную машину времени. – Настроение его изменилось, он стал глубокомысленным и рассеянным. – Я не собираюсь подшучивать над вами, Керанс, я не выдержал бы и десятой доли ответственности, которую вы несете на своих плечах. Взять хотя бы это трагическое одиночество в триасовых болотах. – Он раскрыл книгу – это были стихи Донна – и наугад прочел строку: «Мир в мире, каждый человек – это остров в самом себе, плывущий через моря и архипелаги...»

Наполовину убежденный, что его дурачат, Керанс спросил:

– Как идет погружение?

– Не очень хорошо. Город слишком далеко на севере, чтобы в нем оставили что-нибудь ценное. Но несколько интересных вещей мы обнаружили. Посмотрите вечером.

Керанс колебался, сомневаясь, хватит ли у него энергии для разговора с Беатрис и доктором Бодкиным – он не видел их с момента своего неудачного погружения, хотя знал, что каждый вечер Стренгмен на своем гидроплане направляется к дому Беатрис (какого успеха он

добился, Керанс мог лишь гадать, но замечания Стренгмена типа «женщины похожи на пауков, они поджидают вас и ткуют свою паутину» или «она предпочитает говорить о вас, Роберт» убеждали его, что Стренгмен ничего не достиг).

Однако особое выражение и интонации Стренгмена свидетельствовали о том, что присутствие Керанса было обязательным и что отказаться ему не позволят. Стренгмен следил за ним, ожидая ответа.

– Слишком краткое объяснение, Стренгмен.

– Мне очень жаль, Керанс, но если бы мы знали друг друга лучше, я уверен, вы бы не колебались. А сейчас положитесь на мою маниакально-депрессивную личность. Мне нравятся необычные поступки.

Керанс разыскал две позолоченные фарфоровые кофейные чашки и наполнил их из графина.

– Знали друг друга лучше, – повторил он про себя иронически. – Будь я проклят, если вообще о вас знаю что-нибудь, Стренгмен.

Блуждающий по лагунам, как преступный дух затонувшего города, апофеоз его бессмысленной жестокости и грубости, Стренгмен был полуграбителем, полудьяволом. Однако он играл определенную положительную роль, держа перед Керансом предупреждающее зеркало и сообщая ему, какую жизнь он выбирает. Это и что-то еще привязывало их друг к другу, иначе Керанс давно оставил бы лагуну и отправился куда-нибудь на юг.

– Я думаю, это не прощальный праздник? – спросил он Стренгмена. – Вы не собираетесь покинуть нас?

– Конечно, конечно, нет, – возразил Стренгмен. – Мы еще только прибыли. Ибо, – глубокомысленно добавил он, – куда нам идти? Больше ничего не осталось. Иногда, должен вам признаться, я чувствую себя, как финикийский мореплаватель на краю света. Это ведь настоящая роль, не правда ли? ...подводное течение с шепотом подбирало его кости. Когда он вставал, он забывал свой возраст, вспоминал юность и погружался в водоворот...

Он продолжал надоедать Керансу, пока тот не принял приглашения, затем торжественно удалился. Керанс прикончил кофе в графине и принялся закрывать венецианские стекла, выходящие на яркое солнце.

Снаружи, в его кресле на веранде, сидел белый ворон и смотрел на него каменными глазами, ожидая, что произойдет.

Плывя по лагуне вечером к пароходу, Керанс размышлял над тем, что за сюрприз приготовил Стренгмен. Он надеялся, что не будет искусно подготовленного розыгрыша. Усилия, которые понадобились для бритья и надевания белого обеденного пиджака, очень утомили его.

По всей лагуне были заметны следы приготовления. Пароход стоял на якоре в пятидесяти ярдах от берега. Он был украшен навесами и цветными лампами, два катера методично прочесывали лагуну, выгоняя из нее аллигаторов.

Керанс указал на большого каймана, боровшегося в окружении множества багров, и спросил Великого Цезаря:

– Что в сегодняшнем меню – жареные аллигаторы?

Гигантский горбатый мулат, стоявший на носу катера, неопределенно пожал плечами.

– Стренгмен дает сегодня вечером большое представление, мистер Керанс, действительно большое. Увидите.

Керанс встал со своего сиденья и подошел к борту.

– Великий Цезарь, давно ли вы знаете капитана?

– Очень давно, мистер Керанс. Десять лет, может, двенадцать.

– Он странный человек, – продолжал Керанс. – Его настроение меняется так быстро. Должно быть, вы и сами заметили это. Иногда он пугает меня.

Огромный мулат улыбнулся.

– Вы правы, мистер Керанс, – заметил он с хихиканьем. – Вы совершенно правы.

Но прежде чем Керанс смог задать следующий вопрос, их окликнули в мегафон с борта парохода.

Стренгмен встречал каждого из своих гостей по мере их прибытия на верхних ступеньках трапа. Он был в хорошем настроении и одобрительными восклицаниями встретил появление Беатрис. На ней было длинное парчовое синее бальное платье, лазурная краска вокруг глаз делала ее похожей на необычную райскую птицу. Даже Бодкин сделал уступку, подровнял свою бороду, надев старый полосатый респектабельный жакет и повязав вокруг шеи полоску крепа вместо галстука. Но, как и Керанс, он казался погруженным в себя и участвовал в разговоре за ужином автоматически.

Стренгмен, однако, не заметил этого, или, если и заметил, то никак не отреагировал, ибо был очень занят. Какими бы ни были его мотивы, он пошел на значительные затраты энергии для устройства этого приема. Над палубой был натянут новый белый навес, похожий на парус; он легко поднимался, давая возможность хорошо разглядеть лагуну и берег. Большой круглый обеденный стол стоял у перил, вокруг него разместились низкие диваны в египетском стиле с позолотой и валиками из слоновой кости. Множество непарных, но ярких золотых и серебряных тарелок покрывало стол, среди них были расставлены бокалы из золоченой бронзы.

В припадке расточительности Стренгмен опустошил свой склад – несколько почерневших бронзовых статуй стояли у стола, держа подносы с фруктами и цветами, а к трубе была прислонена огромная картина школы Тинторетто. Называлась картина «Свадьба Эсфирь и короля Ксеркса», но фон венецианской лагуны и дворцов Гран-Канала вместе с украшениями и костюмами шестнадцатого века делал ее более похожей на «Свадьбу Нептуна и Минервы», и было ясно, что хотел Стренгмен сказать этой картиной. Король Ксеркс, хитрый пожилой венецианский дож с клювообразным носом, казался полностью прирученным скромной черноволосой Эсфирью, которая имела отдаленное, но несомненное сходство с Беатрис. Рассматривая картину с сотнями гостей, приглашенных на свадьбу, Керанс внезапно заметил знакомый профиль – резкое жесткое лицо Стренгмена в наряде члена Совета Десяти, – но когда он подошел ближе, сходство исчезло.

Свадебная церемония проходила на борту галеона, пришвартованного к дворцу дожей, и искусно сделанный такелаж старинного корабля казался продолжением стальных тросов парохода. Кроме сходства обстановки, подчеркнутого двумя лагунами и выступающими из воды зданиями, похожи были и персонажи – команда Стренгмена, казалось, только что спустилась с картины с ее негром-капитаном, украшенными драгоценностями рабами и гондольерами.

Прихлебывая коктейль, Керанс сказал Беатрис:

– Видите себя на картине, Беа? Очевидно, Стренгмен надеется, что вы поступите с ним так же, как Эсфирь с Ксерксом.

– Верно, Керанс! – к ним подошел Стренгмен. – Вы угадали точно. – Он поклонился Беатрис. – Я надеюсь, вы принимаете этот комплимент, дорогая?

– Я польщена, Стренгмен. – Беатрис подошла к картине, затем повернулась в облаке парчи и стала у перил, глядя на воду. – Но я не уверена, что хочу видеть себя в этой роли.

– Но вы будете, мисс Дал, неизбежно. – Стренгмен жестом указал стюарду на Бодкина, сидевшего в задумчивости в углу, потом схватил Керанса за плечо. – Верьте, мне, доктор, скоро вы увидите...

– Хорошо. Но хватит ли мне терпения, Стренгмен?

– Неужели после тридцати миллионов лет ожидания вы не сможете подождать пяти минут? Я скоро верну вас в настоящее.

В продолжение ужина Стренгмен наблюдал за последовательностью смены вин, время от времени совещаясь о чем-то с Адмиралом. Когда принесли последнюю порцию бренди, Стренгмен сел за стол и подмигнул Керансу. Два катера в это время отплыли в дальний конец

лагуны и там скрылись в узком заливе, а третий занял позицию в центре. С его палубы взлетали огни фейерверка.

Последние солнечные лучи еще лежали на поверхности воды, но их превосходили яркостью огни фейерверка: огненные колеса и ракеты были как бы выгравированы на слегка окрашенном сумеречном небе. Улыбка на лице Стренгмена становилась шире и шире, он откинулся на своем диване и чему-то улыбался. Яркие огни фейерверка подчеркивали его сходство с сатиром.

Керанс наклонился к нему, чтобы узнать, когда материализуется его сюрприз, но Стренгмен предвосхитил его.

– Вы ничего не заметили? – он осмотрел всех за столом. – Беатрис? Доктор Бодкин? Вы трое слишком медлительны. Вынырните из своего глубокого времени хоть на мгновение.

Необычное молчание повисло над кораблем, и Керанс прислонился к перилам, чтобы обезопасить себя на случай какой-нибудь затей Стренгмена.

Случайно взглянув на нижнюю палубу, он вдруг заметил двадцать или тридцать членов экипажа, неподвижно смотревших на поверхность лагуны. Их эбонитовые лица и белые фуфайки странно мерцали при свете фейерверка, как у команды призрачного корабля.

Удивленный, Керанс осмотрел небо и лагуну. Сумерки наступили скорее, чем он ожидал, стены зданий, окружавших лагуну, исчезли в тени. В то же время небо оставалось ярким, и верхушки растений тоже были ярко освещены.

Низкие звуки послышались откуда-то – это работали насосы. До сих пор их работа заглушалась звуками фейерверка. Вода вокруг парохода стала странно вязкой и неподвижной, низкие волны, которые обычно волновали ее, исчезли. Раздумывая, не решил ли Стренгмен организовать выступление дрессированных крокодилов, Керанс смотрел вниз, на воду.

– Алан! Во имя неба, взгляните! Беатрис, вы видите? – Керанс вскочил со своего кресла и подбежал к перилам, в изумлении указывая на воду. – Уровень понижается!

В темной поверхности воды внизу теперь неясно вырисовывались прямоугольники крыш затонувших зданий, их окна, похожие на глазницы огромного черепа. Они становились все ближе и ближе, возникая из-под воды, как затонувшая Атлантида. Вначале стали видны десять, затем двадцать зданий, их карнизы и пожарные лестницы все яснее вырисовывались сквозь утончавшийся слой прозрачной воды. Большинство из них было всего в пять этажей – часть района небольших магазинов и учреждений, окруженных более высокими зданиями, составлявшими границы лагуны.

В пятидесяти ярдах от них первая крыша прорвала поверхность – притупленный прямоугольник, густо поросший водорослями, в которых билось несколько доведенных до отчаяния рыб. Сразу вслед за этим появилось еще с полдюжины зданий, уже было видно, что они образуют узкую улицу. Из окон потоками лилась вода, водоросли свисали с перепутанных проводов.

Внешность всей лагуны изменилась. Они медленно опускались во что-то похожее на небольшую площадь, а вокруг них из воды выступало все больше крыш с полуразрушенными крышами и шпилями, и ровная поверхность воды превратилась в кубистские джунгли – кубы возникавших из-под воды зданий были густо усажены растительностью. Остатки воды превратились в отдельные каналы, темные и мрачные, в узких улочках.

– Роберт! Прекратите это! Это ужасно! – Керанс почувствовал, как Беатрис схватила его за руку, ее длинные синие ногти впились в него сквозь ткань пиджака. С напряженным лицом она смотрела на возникающий город, резкий острый запах водорослей вызывал ее отвращение. Вуаль пены покрывала перекрестившиеся телеграфные провода и поломанные детали неоновых реклам, тонкий слой тины покрывал фасады зданий, превращая сказочно прекрасный подводный город в высохший и гноящийся канализационный коллектор.

На мгновение Керанс испугался за свой рассудок, не в силах разумно объяснить превращение знакомого и привычного мира. Потом он подумал о внезапном климатическом ката-

клизме, который привел к быстрому осушению ранее расширяющихся морей и появлению затонувших городов. Если это так, то ему придется приспособливаться к новой жизни, или он навсегда останется заброшенным в какую-то забытую лагуну триасового периода. Но в глубине его мозга огромное древнее солнце светило с неослабевающей силой, кроме того, он услышал шепот Бодкина:

– Исключительно мощные насосы. Вода убывает на два-три фута в минуту. Мы совсем недалеко от дна. Фантастично!

В темнеющем воздухе прозвучал смех, и Стренгмен весело откинулся на своем диване, вытирая глаза салфеткой. Освободившись от подготовки этого зрелища, он теперь наслаждался видом трех озадаченных лиц над перилами. Над ним на месте рулевого стоял Адмирал и с восторгом смотрел на воду. Его голая грудь сверкала в мерцающем свете, как медный таз. Два или три человека рядом с ним держали причальные концы, ориентируя корабль, чтобы он не задел никаких строений. Два катера, ранее исчезнувшие на краю лагуны, теперь появились вновь; мощные насосы, стоявшие на них, поглощали воду. Вскоре видимость закрыли выступившие из воды здания. Оставалось десять-двенадцать футов воды, а в ста ярдах виднелся на мели третий катер.

Стренгмен овладел собой и подошел к перилам.

– Великолепно, не правда ли, доктор Бодкин? Какая шутка, какой истинно совершенный спектакль! Пойдемте, доктор, не выглядите таким надутым, поблагодарите меня. Организовать это было нелегко.

Бодкин кивнул и все еще с напряженным лицом двинулся вдоль перил. Керанс спросил:

– Но как вы замкнули периметр? Ведь стен у лагуны нет.

– Теперь они есть, доктор. Я думал, вы специалист по морской биологии. Водоросли, растущие в болотной грязи, превратили ее в водонепроницаемую преграду; в последнюю неделю остался лишь один небольшой проход, мы закрыли его за пять минут.

Вокруг них в тусклом свете вырисовывались улицы с проржавевшими корпусами автомобилей и автобусов. Огромные анемоны и морские звезды шевелились в лужах, из окон свешивались водоросли.

Бодкин оцепенело сказал:

– Лейстер-сквер.

С замолкшим смехом Стренгмен повернулся к нему. Его глаза жадно осматривали портреты бывших кинозалов и театров.

– Итак, вы знаете, где мы находимся и куда вы хотели попасть, доктор! Жаль, что вы не помогли нам раньше, когда мы только прибыли сюда, – он с проклятием стукнул по перилам и схватил Бодкина за руку. – Клянусь господом, сейчас только у нас пойдут дела! – и с усмешкой он отскочил от них, отодвинув по дороге обеденный стол. Издали послышались его обращенные к Адмиралу слова.

Беатрис, прижав руку к горлу, с тревогой следила, как он исчезает внизу.

– Роберт, он сумасшедший. Что нам делать – он осушит все лагуны.

Керанс кивнул, думая о превращениях Стренгмена, свидетелем которых он был. С появлением затонувших улиц и зданий манеры Стренгмена резко изменились. Все следы вежливой утонченности и лаконичного юмора исчезли, он стал бессердечным и коварным, в него как бы вошел хулиганский дух пригородных улиц.

Было похоже, что вода, затопившая города, анестезировала его истинный характер, придав ему внешний лоск и утонченность.

На палубу упала тень соседнего здания, закрыв часть большой картины темным занавесом. Было видно лишь несколько фигур: Эсфирь, негр-гондольер и среди них единственная белая фигура – безбородого члена Совета Десяти. Как и предрекал Стренгмен, Беатрис выполнила свою символическую роль, и Нептун сдался и отступил.

Керанс посмотрел на круглый корпус испытательной станции, лежавшей на крыше кино-театра, как огромный валун на краю обрыва. Здания, составлявшие периметр лагуны, теперь закрывали полнеба, оставив их на влажном дне каньона.

– Не расстраивайтесь, – сказал Керанс. Он поддержал Беатрис, когда корабль достиг дна и слегка накренился. – Когда они обшарят все магазины и музеи, они уйдут. В любом случае через одну-две недели начнутся дожди.

Беатрис вздрогнула при виде летучих мышей, перелетавших от одного карниза к другому.

– Но все стало так отвратительно. Не могу поверить, что здесь кто-то жил. Похоже на воображаемый город ада. Роберт, мне необходима лагуна.

– Ну что ж, мы можем уйти и двинуться на юг через илистые отмели. Что вы думаете об этом, Алан?

Бодкин медленно покачал головой, все еще слепо глядя на темные здания вокруг площади.

– Вы вдвоем уходите, я должен остаться здесь.

Керанс колебался.

– Алан, – мягко предупредил он, – Стренгмен теперь получит все, в чем нуждается. Мы для него бесполезны. Вскоре мы станем нежеланными гостями.

Но Бодкин не слушал его. Он смотрел вниз, на улицы, вцепившись в перила, как человек за прилавком огромного магазина, торгующий воспоминаниями своего детства.

Вода с улиц исчезла. Ближайший катер застрял на тротуаре. Его экипаж во главе с Великим Цезарем спрыгнул в воду, которая доходила людям до пояса, и побрел к пароходу.

Пароход, последний раз качнувшись, прочно осел на дне. Послышались крики Стренгмена и его подчиненных, отталкивавших баграми путаницу телеграфных проводов. В воду спустили маленькую шлюпку, и под торжествующие возгласы и удары о перила Адмирал через мелеющую воду перевез Стренгмена к фонтану в центре площади. Здесь Стренгмен вытащил из кармана пистолет и с криком начал очередь за очередью пускать в темнеющее небо ракеты.

11. Баллада о Мисте Костлявом

Через полчаса Беатрис, Керанс и доктор Бодкин смогли выйти на улицы. Повсюду были еще большие лужи, вода вытекала из окон и дверей зданий, но все они были не глубже двух-трех футов. Видны были сухие полосы тротуара в сотни ярдов длиной, а большинство маленьких улиц совершенно просохли. Рыбы и водоросли гибли посреди улиц, на тротуаре, и в сточных канавах виднелись горы тины, но, к счастью, убегающая вода проделала в них широкие проходы.

Экипаж во главе со Стренгменом в белом костюме, пускающим разноцветные сигнальные ракеты в полутьму улиц, шел впереди орущей толпы. Некоторые тащили бочонки с ромом, другие размахивали целым ассортиментом бутылок, мачете и гитарами. Несколько насмешливых выкриков «Миста Костлявый» послышалось, когда Керанс помогал Беатрис спускаться с трапа, и вслед за тем трио, отделившись от остальных, углубилось в молчаливые улицы.

Неуверенно взглянув на джунгли, возвышавшиеся со всех сторон, как гигантский конус потухшего вулкана, Керанс направился по тротуару к ближайшему зданию. Они стояли в вестибюле одного из огромных кинотеатров, морские ежи и огурцы вяло ползали по влажному кафельному полу, в помещении кассы валялись долларовые бумажки песчаного цвета.

Беатрис одной рукой подобрала свою длинную юбку, и они медленно двинулись вниз по линии кинотеатров, кафе и дансингов, населенных теперь лишь ракушками и моллюсками. На первом же углу они свернули в сторону от звуков разгула, шедших с противоположной стороны, и пошли на запад по влажному каплющему каньону. Над головой у них продолжали взрываться разноцветные сигнальные ракеты, и тонкие стеклообразные губки отражали голубые и розовые вспышки.

– Ковентри-стрит, Хаймаркет... – Керанс читал заржавевшие названия улиц. Они быстро свернули в одну из дверей, так как Стренгмен и его банда двинулись обратно через площадь в вспышках света и шуме, мачете срезали проржавевшие витрины магазинов.

– Будем надеяться, что они найдут что-нибудь, что удовлетворит их, – пробормотал Бодкин. Он разглядывал потемневшую линию горизонта, как бы ища ушедшую воду, которая скрывала город.

Несколько часов они, как одинокие привидения, бродили по узким улицам, изредка встречая кого-нибудь из членов загулявшего экипажа, пьяно бредущего с остатками награбленного в одной руке и мачете в другой. На нескольких перекрестках разожгли маленькие костры, группки по два-три человека грелись вокруг горящего гнилого дерева. Избегая их, трио двигалось к южному краю бывшей лагуны, где в темноте возвышался дом Беатрис, его навес виден был на фоне звезд, – сказал Керанс Беатрис. Он указал на влажную гору ила, которая достигала окон пятого этажа и являлась частью огромного вала слежавшейся глины, о котором говорил Стренгмен. Этот вал окружал теперь лагуну, образуя на пути моря водонепроницаемую преграду. Вдали поперек улицы они видели ту же вязкую массу.

Тут и там дамба опиралась на поддержку большого здания – церкви или правительственной постройки, – включив его в свою огромную дугу, шедшую вдоль всей лагуны. Одно из таких зданий оказалось у них на пути, и Керанс ускорил шаги, когда они подходили к планетарию. Он с нетерпением ждал остальных, которые задержались у пустых витрин большого универмага или смотрели на черный поток тины, медленно стекающий по лестнице в медлительный бассейн посреди улицы.

Даже небольшие здания были закрыты, прежде чем их покинули, и поломанные и заржавевшие металлические щиты и решетки скрывали их внутренности. Все покрывал тонкий слой тины, и Керансу показалось, что город воскрес из канализации. Когда придет судный день, подумал он, легионы мертвых вынуждены будут выйти из него в грязных саванах.

– Роберт. – Бодкин взял его за руку, указывая вперед. В пятидесяти ярдах от них стоял угрюмый затененный купол планетария, его металлическое покрытие слабо блестело в случайных вспышках ракет. Керанс осмотрелся, узнавая окружающие здания, тротуар и фонарные столбы, затем неуверенно, но с любопытством пошел вперед, к этому пантеону своих ужасов и загадок.

Губки и бурые водоросли усеивали тротуар, по которому они осторожно приближались к входу, выбирая путь среди груд ила, загромождавших улицу. Стебли водорослей, которыми порос купол, теперь безжизненно свисали с портика, их длинные высохшие листья нависали над входом, как гниющий занавес. Керанс раздвинул листья и осторожно заглянул в темное фойе. Везде лежал толстый слой черной грязи, слегка шевелившийся, так как там погибли населявшие его морские животные, и их плавучие мешки разрывались, выпуская пузыри воздуха. Эта грязь была везде: на билетной кассе, на лестнице, ведущей на антресоли, на стенах и дверных панелях. Не было больше магического чрева, которое он помнил по своему погружению, теперь это была свалка гниющих органических останков. Непрозрачное покрывало таинственно исчезло, его заменил вход в канализацию.

Керанс медленно пошел по фойе, вспоминая магический полумрак аудитории и странные очертания созвездий на куполе. Он почувствовал тяжелый запах, шедший отовсюду.

Он быстро взял Беатрис за руку и пошел к выходу на улицу.

– Боюсь, что вся магия исчезла, – спокойно заметил он. Принужденно засмеялся. – Вероятно, Стренгмен сказал бы, что самоубийце никогда не следует приходить на место своего преступления.

Пытаясь найти кратчайший маршрут, они забрели в тупик и вынуждены были отступить, так как на них из небольшой мелкой лужи прыгнул крокодил. Отступая между заржавевшими корпусами автомобилей, они достигли улицы, преследуемые аллигатором. Он остановился у фонарного столба на краю тротуара, его хвост раскачивался, челюсти сжимались и разжимались. Керанс закрыл собой Беатрис. Они побежали и покрыли уже десять ярдов, когда Бодкин споткнулся и тяжело упал в кучу ила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.